

**КОМИ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сыктывкар 1975

С (коми)

К 68

Печатается по изданию: **Коми народные сказки. Коми книжное издательство, Сыктывкар, 1958.**

Художник **А. Мошев**

П $\frac{0763-036}{128(03)-75}$ 54—75 м

ЛИСА И ЗАЯЦ

Жили на лесной полянке лиса и заяц.

У лисы шкура дорогая, а у зайца — дешевая. Лиса день-деньской хвалится:

— Я зверь дорогой. У меня красивый мех.

А заяц в ответ:

— Не хвастайся, не то я так сделаю, что твоя шкура подешевеет.

Заяц говорит, а ему никто не верит, потому что, хотя он и храбрый, а все-таки косой.

Вот и зима прошла, весна красна наступила, лето явилось. А так и не проучил хитрый заяц хвастунью-лису.

Однажды, ближе к осени, принялись заяц с лисой бегать, в прятки играть. Бегали, бегали заяц с лисой по

парме — дремучему лесу, и косою заманил лисицу в ловушку. Она с размаху угодила между двух берез. Так застряла, что ни назад, ни вперед.

А храбрый заяц тут как тут: наломал березовых прутьев и принялся лису стегать. Сам сечет, сам приговаривает:

— Ой, не ешь ты кур,
Не хватай цыплят,
Не терзай зверят,
Не воруй зайчат,
Не хитри, не хитри, не хитри,
И не хвастайся!

Звери и птицы собрались, глядят, как заяц лису учит. Храбрый заяц хлестал лису до тех пор, пока все прутья не обломались и он сам от усталости на землю не повалился.

А лиса как рванется — и вырвалась из ловушки. Но пока она билась между берез — обтрепалась ее шкура. Лиса кинулась на зайца. Тот и про усталость забыл: во всю мочь побежал. Лиса бросилась в погоню и догнала бы косою, да заяц ее с толку сбил. Со страха заскочил заяц в лисью нору, а лиса мимо пробежала: ей невдомек, что в ее жилье — косою. А в норе лисята закричали зайцу:

— Кто ты такой? Уходи!

Но заяц уже опомнился, у него страх прошел. Усы закрутил, приосанился.

— Я тот, кто вашу мать прутьями отстегал. Покажите мне второй ход, а то и вам не миновать порки, — закричал храбрый заяц.

Испугались лисята, показали зайцу второй ход из норы, и он дальше по лесу помчался. Бежит во весь дух, чувствует, что лиса снова на его след напала.

Бежал, бежал косою... Семь гор перескочил, семь ле-

сов перелетел, шесть рек переплыл, а как добрался до седьмой реки, так кувырком с пригорка покатился и угодил в прибрежную грязь. До того вымазался заяц — уши и те к голове прилипли. И стал он похож на бобра.

А умыться-то некогда, только косые глаза протер лапками. Скорей связал плот и собрался плыть вниз по реке.

А лиса семь гор перескочила, семь лесов пробежала, добралась до седьмой реки, чует — на берегу зайцем пахнет.

Глядит: бобер, весь грязью измазанный, на плоту стоит и багром от берега плот отталкивает, да никак не оттолкнет.

Лиса и спрашивает:

— Бобер, а бобер, не пробежал тут заяц?

Улыбнулся косой, свой плот, наконец, оттолкнул и спросил:

— Это какой заяц-то, уж не тот ли, что лису березовыми прутьями отстегал, дорогую шкуру ей испортил?

— Не знаю,— отвечала лиса.— Мне этот заяц не нужен. Подумаешь, дело было на копейку, а разговор — за семью горами.

Лиса повернулась и в лес пошла, а косой благополучно поплыл вниз по Вычегде, веселую песню запел.

Лиса лежала, лежала в лесу, думала, думала и репнула: «Пойду-ка я опять к реке, может, только один бобер знает о том, как со мной заяц поступил, а другим ничего неизвестно».

Побежала лиса напрямик к берегу.

А заяц не спеша плывет на плоту по извилистой реке. Он успел уже раздобыть себе московский кафтан и шапку.

Села лиса на бережок, а тут и заяц подплыл. Она его опять не узнала.

— Ты кто будешь?— спрашивает лиса.

— Я москвич, домой плыву,— отвечает заяц.

— Какие новости на свете?— спрашивает лиса.

— Не слыхал я никаких новостей,— отвечает косой.—

А только слыхал, будто заяц лису отстегал, дорожную шкуру ей испортил, с нее спесь сбил.

Лисе горько стало, опять пошла в лес, легла под дерево.

Заяц плыл, плыл, решил отдохнуть, к берегу пристать.

А лиса полежала, полежала и снова вышла к реке, побежала по берегу. «Не встречу ли,— думает,— еще кого-нибудь. Может, только бобер да москвич слышали о моем позоре...»

Снова села у реки и ждет, не покажется ли кто. Глядь, заяц плывет. Лиса опять его не узнала — он шапку новую надел.

— Кто ты, откуда плывешь?— спрашивает лиса.

— Москвич я, из Москвы плыву,— отвечает косой.

— Не слыхал ли в Москве какую новость?

— Никаких особых новостей не слыхал,— молвил заяц.— Только говорят в Москве, будто заяц лису прутьями отстегал.

— А кроме того, ничего особенного не слыхал?— вздохнула лиса.— А не знаешь, не подшевелила ли теперь дорогая лисья шуба?

Заяц отвечает:

— Конечно, подшевелила! Если двадцатирублевой была, то после такого случая десять рублей будет стоить, а если десять рублей стоила, то до пяти рублей дойдет.

Заплакала лиса, в лес убежала и с той поры не хваталась.

ФОМА

Жил-был Фома. Целыми днями без устали трудился. Отец с матерью не пародовались. Однажды он рубил дрова в лесу. В это время мимо проходила Ёма — злая ведьма. Фома так заработался, что и не приметил ее, взмахнул топором, а сучок отлетел и попал ведьме в глаз. Разозлилась Ёма, дунула, плюнула и проговорила:

— Не взмахнешь топором
Ты ни вверх, ни вниз,
Был прилежным ты,
А теперь — ленись,
Лежи на печи,
Обтирай кирпичи!

И что вы думали? Так оно и случилось. Не узнать Фому.

Разленился он и целые дни валяется на печке.

Как-то раз говорит Фоме мать-старушка:

— Чем без толку на печке валяться, пошел бы в чащу да вырыл лисью яму.

— Ладно, пойду,— отвечает Фома.— Только завтра, как встанешь, свари мне кашу.

Мать на завтра сварила кашу. Фома кашу съел, зевнул, побрел в лес и вырыл лисью яму. На другой день отправился он к яме, а там лиса сидит и говорит ему человеческим голосом:

— Фома, выпусти меня, я большое добро тебе сделаю.

Фома пожалел лису и выпустил ее. Вернулся домой и опять залез на печь.

А лиса пошла в темную чащу и легла на траву.

Увидал ее волк и спрашивает:

— Лисичка-сестричка, отчего ты валяешься на земле?

— Я,— говорит лиса,— у Фомы гостила, так наелась, пошевелиться не могу.

— Везет тебе, лисичка, все где-нибудь да гостишь. Хоть раз меня своди куда-нибудь.

— Свела бы, да что тебя одного вести? Собери стаю, тогда сведу.

Собрал он волчью стаю и привел ее к лисе.

Лиса и говорит:

— Ведь вы, волки, не умеете вести себя на пиру, так лучше молчите там.

Лиса впереди побежала, звери за ней. Привела лиса стаю к царскому дворцу и заговорила под окном человеческим голосом, которого волки не понимают:

— Царь-государь, тебе Фома гостинцы послал, вот ведь до чего он богатый!

Царь удивился.

— Какой такой Фома?

И приказал запереть волков в хлев. Потом лиса привела царю сотню зайцев и сотню горностаев. Все, дескать, это дары Фомы. А Фома лежит себе на печи, ничего не знает. Наконец, лиса приходит к царю и говорит:

— У Фомы очень много денег, и никак не можем сосчитать. Дай-ка нам пудовку¹.

Лиса взяла пудовку, отыскала на дороге две-три монеты и за бересту засунула. Потом и отнесла обратно царю.

Царь спрашивает:

— Сколько же оказалось золота у твоего господина?

— Не помню, что-то около ста пудовок,— отвечает лиса.

Царь приказал слугам:

— А ну, осмотрите пудовку, может, они и не меряли золото. Если меряли, то там что-нибудь должно остаться. Осмотрели слуги пудовку и за берестой нашли монеты.

Царь удивляется: «Какой этот Фома богатый!»

А лиса опять явилась во дворец и говорит царю:

— Царь-государь, Фома просит выдать за него твою дочь.

Царь отвечает:

— Ладно, выдам. Как же не выдать за такого богача!

— Мы на барке² приплывем,— обещает лиса.— Ждите нас на берегу.

Побежала лиса на берег, связала из бревен плот и говорит Фоме:

— Вставай, я тебе царевну сосватала, идем пировать.

Обрадовался Фома, встал на плот, хоть и лень ему было. А лиса его догола раздела, вымыла чисто-начисто,

¹ Пудовка — мера веса, вмещающая пуд зерна.

² Барка — старинная большая лодка.

зелеными ветками прикрыла. Поплыли они ко дворцу. А там уже ждут не дождутся жениха. От берега и до самого дворца постлано синее сукно. Только жених приплыл, царь выходит ему навстречу.

Лиса-сваха выскочила на берег и говорит:

— Ой, царь-государь, мы ведь еле доплыли. Барка наша затонула. Там было семьдесят слуг, все погибли до единого. Едва спасла жениха и на плот посадила. Смотри — он совсем голый, ветками прикрыт: одежда и обувь у него на дне реки. Теперь новую придется заказать.

Царь созвал портных и сапожников, те принесли узорчатые сапоги, сшили жениху новую одежду. Фома зевнул, обулся, оделся: одно плечо тронет рукой, другое тронет, — нравится ему одежда.

А царская дочь спрашивает у лисы:

— Жених лицом-то красивый, только не дурак ли он? Что так вертится?

А лиса отвечает:

— Ему одежда не нравится, не по нему сшита.

Царь велел принести кафтан лучше прежнего. Лиса одела жениха и в плечо иголку воткнула, чтоб не шевелился. Жених повернул голову, укололся и перестал вертеться.

— Вот, царевна, — говорит лиса, — красивый кафтан жениху по вкусу.

В тот же день лентяй Фома обвенчался с царской дочерью.

А лиса опять:

— Завтра, царь-государь, пожалуй к нам в гости.

А сама скорее в дорогу отправилась. Гостей пригласила, а куда им прийти?

Шла, шла лиса, добралась до зеленого луга. На опушке конский табун пасется. Лиса спрашивает пастухов:

— Чьих лошадей стережете?

— Еминых, — отвечают пастухи.

— Здесь будет проезжать свадьба. Если спросят, чьи кони, скажите — Фомины, а не скажете, я волчью стаю сюда приведу.

Так же велела лиса говорить и тем, кто караулил коров и овец. И опять побежала. Бежала, бежала, добежала до дома Емы — злой ведьмы. Лиса зашла в дом. Там Ема сидит, шерсть прядет.

Лиса как закричит:

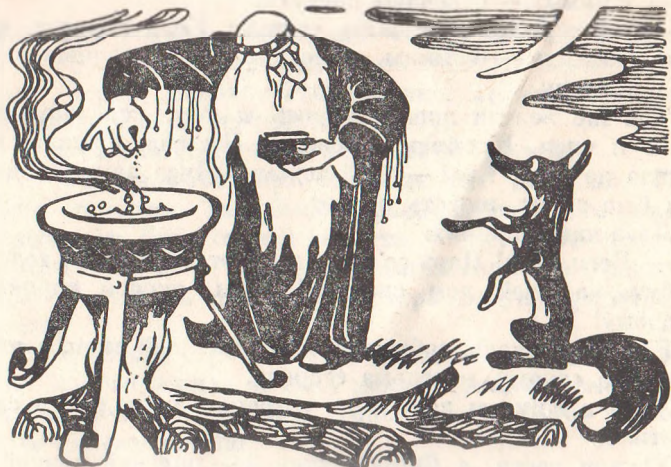
— Беги, Ема! Царь со слугами едет, хочет тебе голову срубить, а твой дом спалить! Беги, скорей спрячься в солому!

Ема испугалась, забралась в соломенный сноп, а лиса подождала солому, и ведьма сгорела.

Лиса в Емином доме пир устроила, царя и его слуг угостила.

Уехали гости, а Фома с женой — царской дочкой — стали в Емином доме жить-поживать.

Сгорела Ема, кончился и ее приговор. Снова Фома стал трудолюбивым.

ЛИСА

Бежала по лесу лисица, глядь, навстречу старая лошадь. Лошадь рассказала, что ее выгнал хозяин. Потолковали лошадь с лисой и решили, что они вместе станут жить, вместе еду добывать, а коли не прокормятся, то бросят жребий, кого из них зарезать, чтобы другой сыт был.

Жили они, жили. Наконец, вся еда кончилась. Стали жребий метать, кого из них зарезать. Выпал жребий убить лошадь. А простым ножом ее нельзя зарезать. Пришлось у жреца Паму нож просить.

Побежала лисица к Паму, все ему рассказала:

— Ой, великий Пам, дай нож лошадь зарезать, меня, лису, накормить.

А Пам отвечает:

— Затупился мой нож. Надо к Ену пойти, у него точильный брусок взять и мой нож наточить.

Лисица побежала к Ену¹ и принялась молить:

— Ой, могучий Ен, дай брусок Памов нож наточить, лошадь зарезать, меня, лисицу, накормить.

Задумался Ен. Долго думал:

— Мой брусок очень тяжелый. Ступай на небо, заберись на ясный месяц, приведи оттуда черного быка. Он и стащит с неба на землю точильный брусок.

Побежала лиса на высокую гору, оттуда забралась на тучу, поднялась к ясному месяцу, просит:

— Месяц, месяц, отпусти своего быка, точильный брусок с неба стащить, Памов нож наточить, лошадь зарезать, меня, лису, до отвала накормить!

Отвечает месяц:

— Моего быка может с неба согнать только небесный пастух — сын солнца.

Побежала лисица к солнцу:

— Солнышко, солнышко, отпусти со мной своего сына-пастуха. Пусть он погонит лунного быка — брусок Ена стащить, Памов нож наточить, лошадь зарезать и козиной меня, лису, до отвала накормить.

Отвечает солнце:

— Не пойдет мой сын, пока не напьется заячьего молока.

Лисица на землю спустилась, в лес побежала, отыскала зайчиху и просит:

— Зайчиха, зайчиха, дай надоить твоего молока, солнца сына напоить, он лунного быка пригонит, бык притащит брусок, Пам свой нож наточит, лошадь зарежет, меня, лисицу, накормит.

Отвечает зайчиха:

¹ Ен (коми) — бог.

— Заячье молоко можно надоить только в осиноый подойник.

Побежала лисица к осине:

— Осина, осина, дай подойник, заячье молоко надоить, молоком солнцева сына напоить. Солнцев сын лунного быка пригонит, бык притащит брусок, Пам свой нож наточит, лошадь зарежет, меня, лису, накормит вкусным мясом.

Отвечает осина:

— Не дам я тебе осинового подойника, пока не добудешь острый зуб бобра.

Побежала лисица к бобру.

— Бобер, бобер, дай мне острый зуб, чтобы сделать осиноый подойник, заячьего молока надоить, солнцева сына напоить, лунного быка пригнать, брусок притащить, Памов нож наточить, лошадь зарезать, меня, лису, до отвала накормить.

Отвечает бобер:

— Мой зуб могут вырвать только клещи кузнеца.

Побежала лисица к старому кузнецу, горько плачет:

— Кузнец, кузнец, вырви зуб у бобра, чтобы сделать осиноый подойник, заячьего молока надоить, солнцева сына напоить, лунного быка пригнать, брусок Ена стащить, Памов нож наточить, лошадь зарезать, меня, лису, до отвала накормить.

Взял кузнец свои клещи, вырвал зуб у бобра. Отнесла лисица этот зуб осине, осина дала подойник. Лисица наполнила подойник молоком зайчихи и напоила солнцева сына. Солнцев сын-пастух пригнал лунного быка. Бык притащил Паму брусок Ена. Пам наточил свой нож, пошел лошадь резать. Положил ее голову на приступок, ударил ножом, да так неладно-нескладно, что воткнулся нож в приступок.

Испугалась лошадь и убежала без оглядки, и лисица ни с чем осталась.

ТРИ БРАТА И СЕСТРА

Жила-была в дремучем лесу девушка. У нее было три брата. Девушка эта была красивая и мудрая-премудрая.

Когда мать и отец умерли, дети схоронили матушку под печкой, отца под жерновом. И пошла сестра с братьями счастья искать... Шли они, шли, добрались до серебряной березы. Старший брат говорит:

— Я, милая сестра, залезу на березу. Наломая серебряных веток.

— Не лезь, — отвечает девушка, — застрянешь.

Брат не послушался, забрался на березу, стал бросать сестре серебряные листья, да пожадничал — в карман много серебра положил. Как начал спускаться, застрял. На-

нрасно братья и сестра кричали-плакали, ничего не помогло, тут и оставили брата. Пошли дальше и добрались до золотой березы. Второй брат говорит:

— Я залезу, золотых веток наломаю, золотые листья тебе набросаю.

Сестра говорит:

— Не лезь, пропадешь!

— Не пропаду,— отвечает брат.

Вот и второй брат залез на дерево, принялся золотые ветки ломать, себе карманы золотом набивать. Стал спускаться и застрял на дереве. Сестра и брат опять заплакали, покричали и оставили его на березе.

Шли, шли третий брат с сестрой, добрались до жемчужной березы. Залез третий брат на дерево, принялся бросать сестре жемчужные листья, а карманы жемчугом наполнять. Спускаться стал, дошел до середины и застрял.

Осталась одна сестра.

Шла, шла она и дошла до села. Там большой дом эксы¹ стоит.

Девушка зашла в сени этого дома, спряталась под опрокинутым чаном и запела грустную песню о своих братьях.

Услыхали песню сыновья эксы:

— Кто поет, у кого голосок, как ручей, журчит? Давайте, братья, найдем певунью. Какому брату попадетя, женою того и будет.

Принялись братья певунью искать, ищут, ищут, а ее нет нигде, только песня звенит.

Старший брат дольше всех искал, не смог найти девушку.

А та все громче поет, о своей жизни в песне рассказывает...

¹ Э к с ы (древне-коми)— князь (бксы).

Говорит средний брат:

— Если правда, что девушка о себе поведала, то мне она по сердцу, я на ней женюсь.

И принялся искать он девушку и не смог найти.

Стал младший искать, подумал: не под чаном ли. Глянул туда, там певунья. Уж очень она ему полюбилась.

Пошел он с девушкой посмотреть на братьев.

Вот добрались они до березы с жемчужными ветвями, там брат на ветке сидит, а слезть не может.

Говорит девушка сыну эхсы:

— Ты видишь теперь, что я правду сказала.

— Вижу!— отвечает сын эхсы.

Говорит невеста:

— А теперь я твои слова хочу проверить. Когда я под чаном сидела, слышала, как ты обещал выручить моих братьев.

— Знаю!— отвечает сын эхсы.

Махнул рукавом сын эхсы, и спустился на землю брат, стал воду из ручья пить, малину есть. А невеста показала жениху своих братьев на серебряной березе и на золотой. Сын эхсы снял их тоже, потом с невестой да ее братьями во дворец поскакал — свадьбу справлять, гулять-пировать.

МАРПИДА-ЦАРЕВНА

Шел однажды по лесу старик и увидел под елкой девочку-красавицу. Рассказала девочка, что она Марпида-царевна, невеста Пипилис сокола. Мачеха ее в чашу бросила на съедение зверям.

Старик взял девочку на воспитание. Он был с ней ласков. А его жена-старуха стала обижать девочку. Старуха была злая-презлая, притесняла царевну, как могла.

Подросла Марпида, стала просить:

— Матушка, матушка, дай ты мне какой-нибудь старый сарафан.

Мать в насмешку ей отвечает:

— Лезь на печь, Марпида, натереби пух с рябчика, из него сарафан сотки.

Марпида-царевна заплакала, но ничего не сказала. Однажды пошла она в голбец¹, а там Сокол сидит. Ударился он о землю, превратился в доброго молодца. Они с Марпидой были еще детьми, когда их нарекли жешихом и невестой. Стал Сокол звать Марпиду на одинокую гору, где его дом стоит. Побоялась девушка, отказалась. Тогда обещал Сокол каждый день к ней прилетать, каждое желание невесты исполнять.

— Только,— говорит,— ты старухе про меня не говори.

Как-то раз приемная мать пошла в церковь.

Марпида-царевна побежала в голбец, кликнула Сокола. Попросила ей наряд принести. Тот прилетел, принес девушке платье.

Сказал Сокол птичье слово, и Марпида-царевна прошла сквозь воду и землю. Очутилась она в церкви, встала в первом ряду. Ни поп, ни дьякон не могли служить, люди не могли молиться, все удивляются:

— Откуда такая красавица?

Когда служба кончилась, Марпида-царевна выбежала на паперть, проговорила птичье слово, прошла сквозь землю и воду и вернулась на печь.

Старуха, приемная мать, пришла из церкви и говорит:

— Ты ведь, дочка, ничего не знаешь, а сегодня в церковь приходила такая красивая девушка, не знаю, как и назвать. Поны не могли петь, люди не могли молиться.

Марпида-царевна слушает и только смеется. На следующий день приемные родители опять пошли в церковь. Марпида снова забралась в голбец. Прилетел Сокол, одел ее в сарафан, расшитый бисером. Снова девушка прошла сквозь землю и воду, очутилась в церкви, стала впереди всех. Опять люди не могли молиться, только глядели на Марпиду и удивлялись: в таком она богатом наряде.

¹ Голбец — подпол.

Когда служба кончилась, Марпида-царевна опять исчезла. Дома она сняла новый наряд и забралась на печь.

Мать пришла и говорит:

— Ты ведь ничего не знаешь...

А Марпида-царевна ей:

— Вы ничего не знаете, а я знаю! Это ведь я была!

— А откуда у тебя такой наряд?

— Меня Сокол одевал.

И рассказала все о Соколе-женихе.

Жадная старуха решила поймать Сокола и взять себе все наряды.

Наутро узнал об этом Сокол, оставил Марпиде узорчатый платок, а сам скрылся неведомо куда. Поплакала Марпида-царевна, потом отправилась искать Сокола. Шла, шла, дошла до маленькой избушки. Зайти туда никак нельзя: избушка без окон и дверей.

Увидела Марпида дырочку, через которую могла пройти только мышь, сказала птичье слово, съежилась и влезла в избу. А в избе сидит Ёма-баба, носом пол дырявит.

Говорит Ёма-баба:

— Чего ходишь-бродишь, Марпида-царевна?

Марпида-царевна отвечает:

— Ищу я Сокола, не залетал ли он сюда?

— Здесь побывал, но улетел дальше.

Марпида-царевна дальше побрела и опять добралась до маленькой избушки. Марпида зашла туда и видит: Ёма-баба носом печь топит. Заметила царевну и спрашивает:

— Чего ходишь по белому свету, Марпида-царевна?

— Сокол не являлся сюда?

— Был здесь, да скрылся. Иди по лесу на восток — увидишь под сосной избушку. Твой милый там.

Марпида-царевна опять побрела и добралась, наконец,

до маленькой избушки. Зашла туда, а там Ёма-баба носом хлебы в печь ставит.

— Марпида-царевна, чего ходишь по белому свету?

— Сокол не бывал ли здесь?

— Недавно был да улетел за синее море.

Ёма-баба дала Марпиде-царевне три пары сапог-котов¹, три яйца — медное, серебряное и золотое — и сказала:

— Обуй первую пару котов да иди вперед, дойдешь до огненного луга, там сбуеть вторую пару. Они износятся, когда дойдешь до луга из горячих углей. Там обуешь третью пару. Когда доберешься до синего моря, кликни ворона, он перенесет тебя через море-окиян.

Марпида-царевна бросила медное яйцо на землю. Яйцо покатилося, она за ним пошла. Три пары котов-сапог износила, прошла огненный луг и луг из горячих углей. Добралась царевна до моря и стала кликать ворона:

— Ворон! Ворон!

И над головой Марпиды-царевны закаркал ворон.

— Перенеси меня на тот берег, я тебе дам серебряное яйцо.

Ворон взял яйцо и закаркал:

— Держись за меня! Карр! Карр!

Царевна села ворону на спину, полетел ворон над волнами и опустил девушку на другом берегу.

Марпида-царевна бросила на землю золотое яйцо. Оно покатилося, девушка за ним побежала и добралась до избушки. Зашла, а там Ёма-баба сидит. Марпида-царевна спрашивает:

— Сокол не прилетал сюда?

А Сокол прыгнул с печи, сбросил с себя перья, превратился в молодца. Марпида-царевна спросила:

— Ты почему скрылся?

¹ Старинная женская обувь (кōti).

— А зачем ты рассказала матери обо мне?

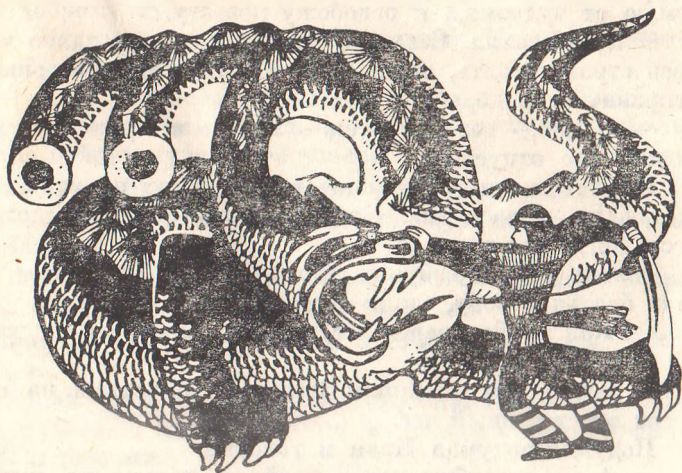
— Прости меня!— говорит Марпида.

А Сокол в ответ:

— У меня теперь одна дорога — в птичье царство, да ты, боюсь, заскучаешь там. Лучше я тебя отнесу в царский дворец к отцу. Умерла твоя мачеха, и ты станешь во дворце жить весело да богато.

— Нет,— отвечает Марпида.— Раньше я тебя не знала, а теперь так полюбила, что мне без тебя и во дворце станет скучно, а с тобой на одинокой горе — весело. Полетим туда!

И полетели они справлять свою свадьбу.

ГУНДЫР

Когда-то правил лесной стороной старый царь. У него было три сына: Федор-царевич, Василий-царевич и меньшой, хитроумный Иван-царевич.

Братья завидовали уму и силе Ивана, наговаривали на него отцу. Вот старый царь и невзлюбил Ивана, да зато всем сердцем привязался к старшим сыновьям.

Иван об этом не очень тужил, он целыми днями, бывало, пропадал на охоте. Однажды он встретил в лесу девушку-красавицу, полюбил ее и хотел свадьбу сыграть. Да случилась беда: чудовище, шестиголовый Гундыр¹, неведомо куда унесло невесту. Говорит Иван отцу:

¹ Сказочный образ, но значению сходный с русским Змеем Горынычем.

— Позволь мне пойти по белому свету. Я спасу нашу землю от чудовища и освобожу невесту.

Отец позволил. Старшие братья, которым давно хотелось странствовать, тоже выпросили у отца разрешение отправиться в дорогу.

— Ладно,— говорит отец.— Теперь вы уже взрослые, можно вас отпустить.

Ну, вот они и отправились в путь. Идут царевичи, может, день, может, два. Пришли к густому, как щетина, лесу, нигде нет прохода.

Только у леса избушка стоит, там кузнец живет. Зашли братья в избу, стали спрашивать у кузнеца:

— Как пройти через лес? Где тут тропинка?

А кузнец в ответ:

— Какие там тропинки! Здесь частый ельник, на пятьдесят верст темный лес.

Подумал-подумал Иван и говорит:

— А мы вырубим лес и пройдем, только ты, кузнец, суй нам топор.

— Топор у меня есть, острый-преострый, да только один, возьмите его, коль надо!— отвечал кузнец.

Переночевали братья у кузнеца, на завтра пошел Федор прорубать просеку. Рубил, до самого вечера рубил, а вырубил лес на полторы версты. Услыхали об этом братья и затужили: так, мол, рубить нам придется месяц.

На завтра пошел рубить просеку Василий-царевич. А вечером, когда вернулся, братья спрашивают:

— Ну, сколько прошел?

— Версты две с половиной.

— Видно, долго придется здесь нам прожить.

На следующий день вышел рубить просеку Иван, с обоюдоострым топором. Нарочно попросил он кузнеца сковать такой.

Махал да махал, махал да махал топором, пока весь оставшийся ельник не срубил. Потом еще шагов двадцать

прошел вперед. Увидел — вдали что-то вроде большой копыны виднеется, пустил Иван стрелу в копыну и вернулся к доброму кузнецу.

— Ну, много ли срубил деревьев, Иван?— спрашивают братья.

— А я,— отвечает,— дорогу проложил. Прошел я больше пятидесяти верст и увидел какую-то копыну. Завтра пойдем туда и все узнаем.

Назавтра проснулись братья и говорят кузнецу:

— Прощай, хозяин, на обратном пути мы тебе чистым золотом заплатим.

Пошли братья дальше. Шли, шли по просеке, добрались до копыны. А это, оказывается, дом.

Вчерашняя стрела Ивана в стену вонзилась, так и торчит.

Вошли братья в избу, что им нужно, то и есть на столах: похлебка, каша, яичница, вино, пиво. Сели обедать, Иван и говорит:

— Ой, Федор да Василий, много не ешьте, не пейте, здесь есть еще неведомый жилец. Придет он, наверно, ночью. Сытый да пьяный крепко спит, а нам надо караулить.

Братья не послушались, ели и пили, сколько могли, досыта.

Встали братья из-за стола и говорят:

— Тебе, Федор, сегодня караулить.

Федор надел тулуп, обошел вокруг дома, потом лег под крыльцом и спяна заснул.

Немного погодя вышел Иван. Видит, брат спит под крыльцом.

— Ну,— говорит,— караульщик тоже! Сразу и захранел.

Стал Иван караулить. В полночь, слышит, кто-то едет-гремт на телеге: это на тройке примчался трехглавый

Гундыр. Тело у него, как у медведя, а из трех голов дым валит.

— Иван-царевич в мою усадьбу пришел, принес своей крови ложку и мяса плошку, мне раз проглотить.

— Не прицеливайся сразу высоко. Давай бороться будем!— отвечает Иван.

— Давай дунь, да так, чтоб стало железное гумно в три версты длиной и в три версты шириной.

— А сначала,— молвит Иван,— ты сам дунь, у тебя три души, да все поганые, а у меня одна, да чистая.

Дунул трехглавый Гундыр, и стало железное гумно в три версты длиной и в три версты шириной.

Начали они биться. Бились, бились. Изловчился Иван и отрубил саблей все три головы Гундыра, бросил в сарай, а лошадей привязал на конюшне к кормушке с пшеницей. Потом вернулся в избу и лег спать.

Утром братья спрашивают Федора:

— Как караулил, видел кого-нибудь?

— Кто же придет сюда? Никто не приходил,— говорит Федор.

Братья опять стали есть и пить. Иван и говорит:

— Ой, Федор да Василий, много не ешьте, не пейте. Чую, сюда еще жилец зайвится. А у сытого и пьяного крепкий сон.

Федор и Василий опять не послушались, ели-пили, сколько могли, потом и вечер наступил.

— Сегодня тебе, Василий, караулить.

Василий надел тулуп, обошел дом, лег под крыльцом и заснул. Немного погодя выглянул Иван. Видит: брат заснул под крыльцом.

— Ну и караульщик! Уже спит!

Осмотрел Иван лес, обошел вокруг дома, слышит, кто-то неподалеку гремит-едет. И, впрямь, на шестерке лошадей подъехал шестиглавый Гундыр. Тело у него, как у медведя, а из шести пастей дым валит.

— Ты,— говорит,— Иван-царевич, на мое хозяйство зарисься. Брата моего убил. Ну-ка, садись мне на язык, я проглочу тебя.

— Не прицеливайся сразу высоко, давай поборемся сначала,— говорит Иван.

— Дунь, да так, чтоб стало здесь железное гумно шесть верст длиной и шесть верст шириной.

Засмеялся Иван:

— Сам дунь. У тебя шесть душ, да все поганые, у меня одна, да чистая.

Дунул шестиглавый Гундыр, легло железное гумно шесть верст длиной и шесть верст шириной.

Стали бороться Гундыр с Иваном. Боролись, боролись, Иван опять саблей махнул, и полетели все шесть голов Гундыра повыше земли, пониже облака. Подхватил Иван головы, бросил их под сарай, а шестерку коней привязал к кормушке с пшеницей. Теперь уже девять лошадей стало у Ивана и девять голов собралось.

Иван вернулся в избу.

Наступило утро, Василий приходит.

— Ну, что,— спрашивают братья,— как караулил, видел кого-нибудь?

— Никто не приходил, ни души не видел!— отвечает Василий.

Принялись братья обедать. Иван говорит:

— Смотри, Федор, гляди, Василий, здесь есть еще жилец. Он ночью заявится в избу. Вы много не ешьте, не пейте. У сытого и пьяного непробудный сон.

Братья опять не послушались Ивана, ели и пили, сколько влезет. Вечером Иван стал выходить караулить и еще раз сказал братьям:

— Смотрите, крепко не засыпайте.

— Ладно,— говорят братья, а сами, как только Иван вышел, сразу заснули. Иван все ходит вокруг дома, слушает, не подойдет ли кто. Бродил, бродил он по двору, ус-

лышал, будто бы кто-то гремит-едет. Посмотрел Иван и увидел — на девяти лошадях прискакал девятиголовый Гундыр. Из его девяти пастей летит огонь и дым, тело железной чешуей покрыто, за плечами крылья.

— Ты,— говорит,— Иван-царевич, пришел в мое хозяйство и барствуешь, моих двух братьев убил. Может, меня хочешь убить? Ну-ка, прыгай на язык, я проглочу тебя.

— Не прицеливайся сразу высоко,— говорит Иван,— давай бороться.

Отвечает Гундыр:

— Давай, только дунь, пусть ляжет железное гумно девять верст длиной и девять верст шириной.

— Сам,— говорит Иван,— сначала дунь. У тебя девять душ, да все поганые, а у меня одна душа, да чистая.

Дунул девятиголовый Гундыр — легло железное гумно девять верст длиной, девять верст шириной. А чудовище спросило:

— Говори, Иван-царевич, как будем бороться.

— А вот,— отвечает Иван,— я пойду на правый конец гумна, ты — на левый, а потом пойдем друг другу навстречу. Который из нас упадет при встрече, тот и будет убит.

— Ну, ладно.

Пошли они навстречу друг другу, да один мимо другого так и прошли.

— Где ты, Иван, прошел?— спрашивает Гундыр у Ивана.

— Под твоей правой рукой,— отвечает царевич.

Второй раз встали они на концы гумна, опять отправились друг другу навстречу и опять не столкнулись.

— Теперь ты где прошел?— спрашивает Гундыр.

— Теперь под твоей левой рукой.

— Ну, ладно, толку из этого у нас не выйдет. Давай вруклопашную биться.

Ну и боролись же,— смотреть страшно!

Вот девятиглавый Гундыр стал одолевать Ивана. Иван-царевич просит чудовище:

— погоди, постой,— я разуюсь, сапоги брошу в сторону, чтоб они тебе, поганому, не достались.

Разулся Иван, правый сапог швырнул в дом. И сразу крыша целиком с избы слетела.

Но братья-царевичи так крепко заснули, что и не шевельнулись. Потом опять принялись биться Иван и Гундыр, и опять чудовище начало одолевать Ивана-царевича. За руки его хватает. Не дает саблю вынуть.

— погоди,— просит царевич,— дай-ка я левый сапог сниму, брошу в сторону, чтоб тебе, поганому, не достался.

Разулся Иван и так швырнул левый сапог, что одна стена избы с потолка до пола слетела. Думал Иван братьев разбудить. Да куда там! крепко спят царевичи, не просыпаются.

Опять стали биться Иван и чудовище.

Боролись, боролись. И опять Гундыр одолевает Ивана.

— погоди,— говорит Иван.— дай-ка я саблю брошу, чтобы тебе, поганому, не досталась. А ты наклонись и отойди немного в сторону, чтоб сабля на лету тебя не задела.

— Нет,— говорит Гундыр,— этого мне нельзя сделать.

— Ну, коли, нельзя, так нельзя. А ты хоть свои девять голов немножко наклони.

Гундыр наклонил свои девять голов, железная чешуя сдвинулась, приоткрылось на шее голое тело. Ивану только это и нужно было. Свистнула сабля, ударила по шее Гундыра, все девять голов с плеч покатались. И крикнули отрубленные головы:

— Ты, Иван, еще раз рубани.

— Хватит,— говорит Иван,— на нашей земле только раз полагается.

Иван взял головы Гундыра и бросил в сарай. А девять

лошадей привязал к кормушке, полной отборным зерном. Теперь у него уже восемнадцать коней и восемнадцать голов.

Вернулся Иван в избу. Одного брата инул, другого толкнул, насылу растолкал, братья встали. А как встали, и глаза у них на лоб полезли. Смотрят — нет на избе крыши, нет стены от пола до потолка. Взял Иван братьев за руки, повел их в сарай и показал им коней и головы и рассказал, что с ним приключилось за это время.

Собрались братья сено косить и пошли запрягать лошадей. Федор запряг тройку, Василий — шестерку, Иван — девять коней. Нагрузили возы сеном. Иван говорит братьям:

— Я три ночи не спал, лягу на сене, посплю, а вы последите, чтобы мои лошади не отстали.

— Ну, ладно.

Иван зарылся в сено и заснул. А братья зашептались:

— Давай Ивана убьем. Тогда девять коней нашими будут. И не станет хвастаться Иван, что Гундыров он убил, пока мы спали, и не только девять коней, честь-слава будет нашей.

А Василий-царевич говорит:

— Зачем убивать Ивана. Давай-ка ему ноги отрежем и хватит.

Так и сделали братья. Девять коней себе взяли, а Ивана самого сбросили с телеги. А он после трех бессонных ночей так крепко спал, что ничего не слышал. Братья ему ноги отрубили и ускакали. Проснулся Иван, бормочет:

— Ах, ты, вот беда, ногу отседел. И братьев нет, ни телеги, ни лошадей не видно.

Но увидел: ноги отрублены, и заплакал.

Потом вытер слезы, взял валявшиеся поблизости ноги и пополз к реке.

— Эх,— говорит,— была бы лодка, или хотя бы плот, даже бревно, чтобы мог я поплыть по волнам.

Смотрит, и впрямь: плывет по реке бревно. И не просто плывет, а к нему приближается.

Сел Иван на бревно и поплыл куда глаза глядят. Плыл он день и два, и три. Глядь, вдали избушка виднеется. А на чердаке у открытого окна стоит красавица, косы по ветру вьются, блестят, будто солнечные лучи. Узнала она Ивана-царевича, принялась ему платком махать.

— Я, — кричит, — тебя и безногого люблю!

Тогда Иван-царевич приказал бревну:

— К красавице плыви, мое бревно!

Только проговорил Иван эти слова, бревно повернуло и остановилось возле самого окошка. Слез он с бревна и стал карабкаться-ползти к избушке. Вдруг оттуда выскочила не девушка, а ведьма. Глянула на Ивана да как закричит:

— Что тебе надо? Это ты убил моего мужа и двух братьев? Ну, берегись!

Понял Иван, что перед ним Ёма, вдова девятиголового Гундыра. А ведьма схватила бедного Ивана-царевича и давай бить. Иван-царевич как может обороняется. Била, била, устала. Потом говорит:

— Ладно, давай отдохнем.

Ёма пошла вниз, чтоб томва-ловва (живую воду) выпить, что силу придает. А с чердака девушка стала кричать Ивану:

— Иван-царевич, Ёма томва-ловва, молодильной воды выпить хочет. Когда она второй раз пойдет отдыхать, я тебе вынесу томва-ловва, ты свои ноги обратно приклеишь.

Вернулась Ёма, и опять стали они биться. Царевича Ёма так и треплет! Туго ему стало.

— Давай же, — говорит он, — отдохнем.

Согласилась ведьма, пошла отдыхать. А в это время

девушка спустила Ивану-царевичу кувшин с чердака, и он напился досыта томва-ловва, омыл этой водой свои ноги, они опять приросли и крепче прежнего стали. Допил Иван томва-ловва и стали биться с ведьмой. Схватил Иван-царевич Ёму за косу и давай прутом стегать. Уже побеждать стал ее. Да тут Ёма взмолилась:

— Отдохнем еще час, я схожу еще поною!

И она пошла в подвал.

А девушка кричит сверху с чердака:

— Я дам тебе железный крюк. Если полезет Ёма ко мне на чердак, зацепи крюком сарафан, сдерни ее вниз, и помешай ведьме убить меня.

А Ёма в подвале увидала, что бочонок опустел, живая вода исчезла. Рассердилась ведьма на девушку, поняла, что она воду взяла.

— Как ты смела дать Ивану живую воду! А?— взвизгнула Ёма и бросилась, будто кошка, на стенку. А Иван схватил железный крюк, изловчился, зацепил крюком Ёмин сарафан, сдернул ведьму вниз и бросил в речной омут. Там Ёме и конец пришел.

В это время застучали лошадиные подковы. Побежала девушка, заперла конюшню. Боялась, что конь колдуны их растопчет...

Вышла красавица к Ивану и рассказала царевичу, как хотел взять ее в жены шестиголовый Гундыр, да она не согласилась. И держали ее Гундыры здесь взаперти на чердаке.

— Ты моя невеста,— сказал Иван,— поедem к моим родителям.

Иван-царевич и девушка положили в лодку меха, золото и добро Гундыров, поплыли на родину Ивана-царевича.

Плыли, плыли, к кузнецу приплыли.

— Ну,— говорит Иван,— что заплатили мои братья?

— Они,— изумился кузнец,— и не заходили.

— Возьми тогда это золото,— сказал Иван и подал ему целую горсть золотых монет.

Сел царевич с невестой в лодку, дальше поплыл.

Плывет царевич и неведомо ему, что братья рассказали отцу о его гибели.

— Мы, отец, целый табун коней добыли и Гундыров убили,— хвастались царевичи.

Царь очень любил Федора и Василия, а об Иване не тужил.

Весь дворец всполошился, когда вернулся Иван-царевич. Вошел Иван и говорит отцу-царю:

— Здравствуй, отец, царь-государь!

Отец удивился:

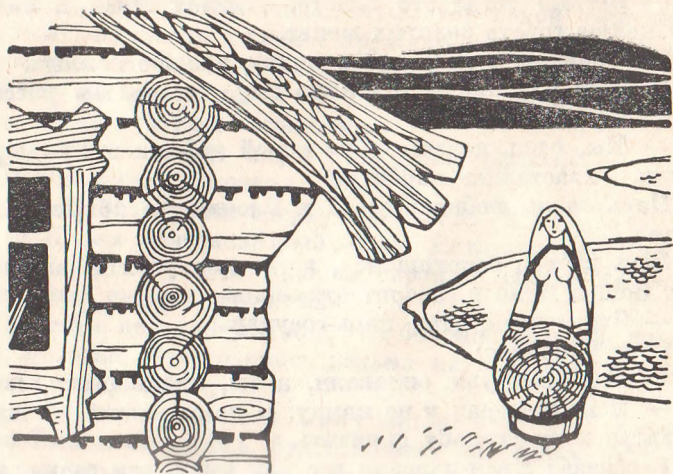
— Мы тебя уже оплакали, а ты, оказывается, жив!

— Я не помирал и не помру. Я до ста лет буду жить и завтра хочу свадьбу справить.

Рассказал Иван-царевич все как было, как ездил, как братья отрубили ему ноги и бросили его в лесу.

Царь выслушал рассказ Ивана-царевича, приказал написать указ. В указе говорилось:

— Приказываю Федору чистить хлев, Василию подметать под окнами двор, а Ивана поставить царем.

ЁМА И ДВЕ СЕСТРЫ

Жили-были муж да жена. У них родилась дочь. Жена умерла, а муж женился второй раз, привел в избу мачеху, злую да сварливую. У мачехи дочка была. Родную дочку, бездельницу и грубиянку, мачеха нежила, а неродную дочь заставляла день-деньской работать.

Однажды мачеха послала падчерицу выполоскать пряжу.

Побежала девушка к речке, наклонилась, стала полоскать, а моток-то и утонул. Она и коромыслом доставала, и так старалась зацепить, — утонул моток.

Прибежала домой, рассказала обо всем мачехе, а та как закричит:

— Прыгай в речку, доставай моток.

Заплакала девушка, пошла к речке, спустилась на дно и очутилась на зеленом лугу.

Идет девушка и видит — по зеленому лугу бегают кобылица золотой масти, рядом табун пасется. Гривы коней ветер треплет.

Девушка расчесала и заплела конские гривы. Подбежала к ней золотая кобылица, заржала, человеческим голосом проговорила:

— Ты, девушка, иди прямо, доберешься до избы Ёмыбабы. Если во всем угодишь Ёме-бабе, она тебе пряжу отдаст и принесет на выбор два лукошка: красное и голубое. Так ты смотри, выбирай красное.

Поблагодарила девушка златогривую кобылицу и пошла дальше. Увидела она стадо коров. У каждой полное вымя молока, а подоить их некому.

Она подоила коров, и тогда одна Буренка замычала, человеческим голосом проговорила:

— Слушай, девушка, пойдешь мимо медовой реки, мимо ручья из сметаны, так ты мед не пробуй, сметаны не тронь. А как придешь в избушку к Ёме, так сначала наступи на иголку.

Пошла девушка дальше. Ни сметаны, ни меда не попробовала. И дошла до избушки, что вертелась, как мельница. Девушка проговорила:

— Остановись, избушка.

Избушка остановилась, перестала вертеться.

Девушка сначала ступила на иголку, потом на крыльцо и очутилась в избушке. А там Ёма сидит.

— Тетка, тетка,— говорит девушка,— у меня моток ниток утонул.

А Ёма отвечает:

— Отдам или нет, там видно будет! Сначала наколи дров так, чтоб я стука не услышала, да баню натопи так, чтоб я дыма из трубы не увидела.

Подумала, подумала девушка, каждое полено обернула травой. И принялась колоть.

Потом пошла баню топить.

Как истонила девушка баню, притащила Ёма полную корзинку лягушек, ящериц и водяных жуков. Говорит девушке:

— Хорошенько вымой, выпарь моих детушек!

Делать нечего! Вымыла, выпарила девушка ящериц, лягушат и водяных жуков. Ёма довольна осталась.

Отдала она девушке моток пряжи, а потом принесла два лукошка, одно голубое, другое красное и сказала:

— Выбирай любое!

Девушка взяла красное лукошко. Ёма не велела ей открывать лукошко, пока не придет домой, на огород. Пошла девушка домой опять по зеленому лугу мимо реки из меду и ручья из сметаны. Как пришла на свой огород, открыла лукошко: перед ней выросла большая и красивая изба. Вошла в нее девушка, отыскала там моток ниток и много всякого добра.

Обрадовалась девушка. В тот же день свадьбу сыграла с бедным парнем, которого давно любила.

Как узнала об этом мачеха, дала своей дочке моток ниток, приказала его бросить в реку и самой туда следом спуститься.

Дочке тоже хотелось приданое получить. Хотя и лень ей было лезть на дно, нырнула в реку и очутилась на дне — на зеленом лугу... Идет по зеленому лугу. Увидела коней, обругала их. Кони заржали, посоветовали ей взять голубое лукошко.

Потом коров увидела, не стала их доить, хворостиной принялась хлестать. Коровы замычали, посоветовали девушке отведать меда из реки и сметаны из ручья.

Лентяйка вышла на берег медовой реки и кинулась мед есть. Ела, ела, а коса в реку свесилась, прилипла к меду. Прилипла так, что никак и не отлипнет. Пришлось

девушке косу отрезать, в медовой реке оставить. Дальше отправилась, на затылке кончик косы болтается.

Вот ручей сметаны. Лентяйка бросилась в ручей, принялась сметану есть... Ела, ела и не заметила, как свесилась в ручей подол ее сарафана. Прилиц, не отличает. Пришлось край сарафана отрезать.

А как добралась до избушки Емы, остановить ее не умела, вся избилась, пока в дом вошла.

Ема велела ей дрова наколоть, да чтобы без стука, баню истопить, да так, чтобы без дыма.

Начала она дрова колоть. Колет и бранится, лень ей работать, гром и треск вокруг идет. Стала баню топить, топит и ругается, белый свет клянет... Столько напустила дыму, что Ема-баба принялась чихать.

Вошла Ема в баню. Голова завязана, угорела от дыма...

Принесла она в корзине лягушек, ящериц, водяных жуков и приказала:

— Выпарь, вымой моих детушек!

Оставила детушек и в избушку ушла.

Еще пуще рассердилась девушка, не привыкла работать, избил веником лягушат, ящериц и водяных жуков.

Вернулась Ема, увидела это, отдала девушке моток ниток, показала два лукошка — красное и голубое — и говорит:

— Выбирай любое.

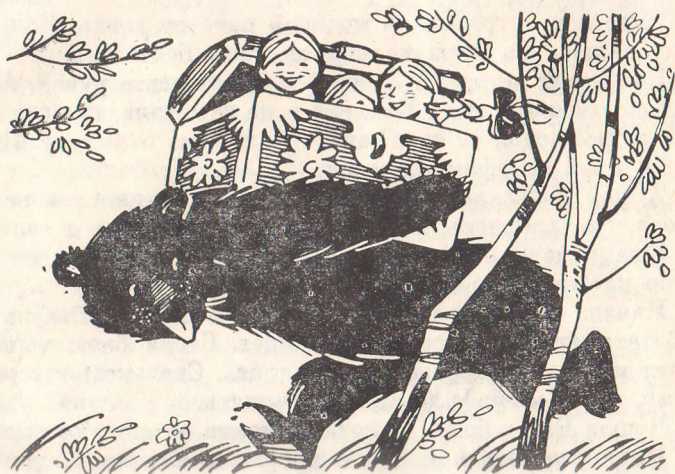
Девушка выбрала голубое. Ема приказала открыть его только тогда, когда вернется к матери.

Взяла девушка лукошко и домой побежала.

Мать уже ждала, веревку на дно спустила, и дочка наверх поднялась.

Прибежала в избу, отчима выгнала и открыла лукошко. Вырвался из него огонь и спалил избу.

А старик-отец пошел жить к дочке и жил у нее долго и счастливо.

МЕДВЕЖЬИ НЯНЬКИ

У одной медведицы было трое медвежат. Трудно приходилось ей с малыши.

То один, то другой медвежонок заревет, то Мишенька-меньшой заплачет.

Так три дня прошло, а на четвертый говорит медведица медведю:

— Ой, лесной человек, коли не достанешь трех няnek, я от тебя на девятое болото сбегу!

Испугался медведь. Созвал зверей и птиц, принялся советоваться с ними, где найти няnek для медвежат.

Не знали звери и птицы, только ведала одна лиса, где няnek найти. Говорит лиса:

— В лесной избушке живет охотник. У него есть три

дочери. Младшая — стряпуха, такой сур¹ изготавливает, только выпьешь глоток — захмелеешь.

— Ну, что ж, девушка подходит в няньки! — заревел медведь.

А лиса продолжала:

— Средняя сестра хорошо поет. Только прясть начнет, только песню заведет, даже вьюга перестанет выть.

— Ну, что ж, и средняя нам подходит, — зарычал медведь.

Лиса продолжала:

— Старшая сестра — умница, кого хочешь уму-разуму научит!

— И эта нам подходит! — заревел медведь.

Пошел медведь в чащу. Там под старым мухомором жила Ёма-баба. Как узнала в чем дело, так подарила медведю лукошко, веретенце, шелковый клубок и сказала:

— Эти вещи не простые, а волшебные, они помогут заманить девушек в берлогу.

А три сестры ни о чем и знать не знали.

На заре собралась младшая в лес по ягоды. Говорит ей старшая:

— Не ходи, сестрица, сегодня совы в лесу радовались, кричали, волки выли, знать, Ёма какую-то беду добрым людям готовит.

Не послушалась младшая, пошла в лес.

Вдруг увидела: по земле лукошко катится.

Догоняет девушка волшебное лукошко, а догнать не может. Ведь Ёма-баба сделала его. Вдруг лукошко прыгнуло под корни корявой сосны. Девушка за ним, и очутилась в медвежьей берлоге. Стала она медвежьей нянькой.

Старшая всю ночь не спала, о младшей сестре беспокоилась. А на другое утро собралась в лес средняя сестра. Говорит ей старшая:

¹ С у р — пиво.

— Останься дома, сестрица! Младшая заблудилась, и ты можешь заблудиться. Сегодня совы кричали, медведи ревели, волки выли, а Ёма плясала на лугу. Не ходи, посиди в избе.

А средняя в ответ:

— Очень надо мне в душевной избе сидеть, лучше стану пряхь у лесного ручья, вместе с птицами петь.

И ушла.

Вдруг увидела — катится веретенце. Побежала за веретенцем девушка, догоняет его, да никак не догонит.

Оно полетело под корни корявой сосны. Девушка прыгнула за ним и очутилась в берлоге.

Вот и стала медвежьей нянькой.

Собралась медведица на охоту, наказывает девушкам:

— Смотрите за моими медвежатами. Ты, средняя, ребят песней убаюкай, без дела не сиди, в избе прибереи, ты, младшая, обед приготовь.

Медведица ушла, а средняя сестра принялась в люльках укачивать медвежат.

А в это время младшая пошла в чулан, где хранились сушеная малина, съедобные корни, дикий мед. Принялась готовить обед.

Медвежата заснули. Средняя вышла сени подметать. Запела песню, а сестра подхватила.

Подметает средняя сестра сени, готовит младшая обед, обе горючими слезами заливаются и горькую песню поют.

Бежал мимо берлоги баран. Услыхал жалобную песню, понял, что девушки плачут, и заблеял у порога.

Младшая сестрица не могла от печки отлучиться, а средняя выбежала из берлоги и рассказала барану, что с ней приключилось. Баран выслушал девушку и сказал ей:

— Садись на меня верхом, и я отвезу тебя домой.

Села она верхом на барана, и он побежал по лесу. Вон и опушка виднеется, а в это время медведь с медведицей

с охоты возвращались. Увидали они девушку верхом на баране. Погнались за ними. Кинулся бежать баран что есть мочи. Свалилась девушка на траву. Притащила ее медведица в берлогу. Два дня била-колотила, на третий опять работать заставила.

Вот опять собрались медведи па охоту и привязали среднюю сестру к люльке заколдованной веревкой. Ту веревку сама Ёма-баба вила. А младшей сестре медведица наказала:

— Не вздумай бежать. Твою сестру догнала и тебя догоню. Отведаешь и ты медвежьей лапы.

Вот ушли медведь с медведицей. Младшая сестра пол подмела, принялась обед готовить, а средняя медвежат качает и поет вместе с сестрой свою жалобную песню, поет, слезами обливается.

Бежал мимо бойкий бычок, услышал песню и заглянул в берлогу. Вышла к нему стряпуха и рассказала, какая с ней и певуньей беда приключилась и как баран ее сестру спасал да не спас.

А бычок замычал в ответ:

Я бычок, я бычок,
Просмоленный бочок,
Забодаю всех рогами,
Затопчу зверей ногами,
На меня садись верхом,
Отнесу тебя в твой дом.

Средняя сестра и говорит:

— А и правда, поезжай, сестрица, будешь на воле, приведешь сюда охотников, и я счастье увижу.

Вскочила младшая верхом на бычка, и полетел он по лесу. Вот вдали завиднелся родной дом.

А в это время показались медведь с медведицей. Хотел бычок их рогами забодать, да промахнулся, угодил

в старую березу, застрял. Рывкнула медведица и потащила младшую сестру домой.

Два дня ее била-колотила, а на третий работать заставляла.

Больше медведи из берлоги вдвоем не отлучались.

А старшая сестра дома с отцом оставалась и очень жалела сестер.

Медведям страсть как хотелось заманить в берлогу третью няньку, чтоб научила она медвежат уму-разуму. Разные приманки брал медведь у Ёмы-бабы и бросал их старшей под ноги, да она на эти приманки не попадалась.

Услыхала старшая сестра, как жалобно мычит бычок-смоляной бочок, пошла в лес, помогла ему освободиться.

Бычок рассказал ей, где ее сестры.

Девушка просит отца:

— Пойду, батюшка, выручать сестер. Ты обо мне не беспокойся. Человек перехитрит и зверя, и птицу.

Отец отпустил девушку. Она побежала, влезла в медвежью берлогу и говорит медведю с медведицей:

— Здравствуйте, хозяева. Я без сестер соскучилась, к вам по доброй воле пришла. Научу вас уму-разуму.

Медведица усадила старшую за стол, принялась потчевать.

А девушка велела сестрам ни в чем медведям не перечить.

Не нарадуются медведь с медведицей!

Средняя теперь без усталости поет, медвежат качает, младшая варит сур, ягоды с медом растирает, а старшая обучает медвежат лесным наукам и сестрам шепчет:

— Не горюйте, человек перехитрит и зверя, и птицу.

Глядит медведица на трех нянек, не знает, чем их отблагодарить.

— Нам ничего не надо, — говорит ей старшая. — А вот отцу нашему пусть медведь отнесет три сундука с подарками.

Согласились медведи. Сделали сундук. А старшая туда младшую сестру посадила, заперла сундук и сказала медведю:

— Смотри, не заглядывай внутрь, у меня глаза зоркие, я далеко вижу.

Потащил медведь сундук. Ох, и тяжелый. Только внутрь хотел заглянуть, а девушка говорит из сундука:

— Все вижу синими, все вижу зоркими, все вижу большими глазами.

Испугался медведь, дотащил сундук, за другим побежал. Ввалил сундук на плечи. Ой, до чего тяжелый! Только хотел медведь заглянуть в сундук, как средняя закричала:

— Все вижу синими, все вижу зоркими, все вижу большими глазами.

Испугался медведь, дотащил и второй сундук, бросил на пороге избушки, домой вернулся.

А в это время старшая сплела для медведицы пояс. Надела медведица пояс, пошла поглядеться в реку. Медвежат старшая по ягоды послала. А сама взяла три ступы, одела их в расшитые рубашки и алые сарафаны, брови им навела, щеки нарумянила, глаза нарисовала. Поставила ступы на скамейку.

А потом старшая сама в сундук залезла.

Вот медведь вернулся. Устал, отдохнуть хотел, а девушка из сундука говорит:

— Мы, няньки медвежьи, в шесть глаз за тобой глядим. Неси сундук, не то не станем нянчить твоих медвежат.

Закряхтел медведь, ввалил сундук, донес до избы, а сам в берлогу вернулся. Следом медведица пришла, и медвежата прибежали:

— Эй, няньки, давайте есть!

А ступы молчат. Рассердился медведь, толкнул одну

ступу. Покачнулась она да как стукнет медведя по носу.
У того искры из глаз посыпались.

Заревела медведица:

— Эй, нянька, песни ной!

А нянька молчит.

Обиделась медведица, толкнула ступу, а ступа качнулась, да как хватит медведицу по лбу — у той шишка вскочила.

Бросились медвежата к третьей ступе:

— Эй, нянька, научи нас уму-разуму, чтоб мы умней тебя стали и твоих сестер наказали.

Но и эта ни слова. Разозлились медвежата, стали толкать ступу, а ступа упала и чуть не придавила медвежат.

ТРИДЦАТЬ ЖЕНИХОВ

Жили-были старик со старухой. У них было тридцать женихов-сыновей. Трудно было с ними — ведь для всех нужно тридцать шапок, тридцать кафтанов, тридцать пар сапог. Выросли братья, умными стали, работающими. Не успели старик со старухой на них нарадоваться, как старший Иван говорит:

— Решили мы жениться на тридцати сестрах и пойдем по белу свету невест искать.

Ну, делать нечего. Принялись родители снаряжать парней в дорогу. Иван взял клубок ниток, бросил его на землю и проговорил: «Отыщи нам невест-сестер. Куда ты покатишься, туда и мы пойдем».

Клубок покатился, за ним братья пошли, через горы

перелезли, через реки переплыли, через леса прошли и добрались до полянки, где изба стоит, на пороге старушка сидит, шерсть прядет.

Узнала она, что надобно братьям, и говорит:

— У меня пять внучек — пять сестер, идите-ка дальше, к моей тетушке, у нее тоже есть девушки. Сколько их — не знаю, не считала, только помню, что много.

Иван снова бросил клубок на землю. Он покатился по горам и долам, за ним братья пошли.

Долго они брели, наконец, добрались до лесной поляны, где под елью избушка стоит, на пороге старуха сидит, волчью шерсть прядет. Увидела она тридцать братьев и спрашивает:

— Далеко ли вы отправились?

Братья ей все без утайки рассказали. Хозяйка их в бане попарила, накормила, напоила, потом говорит:

— Придется вам дальше идти туда, где вас ждут тридцать невест. У меня только двадцать девушек есть. Да ничего, клубок приведет вас к озеру, где живет моя тетушка. У нее как раз тридцать девушек в доме живет.

Опять клубок покатился, за ним братья пошли и очутились на берегу озера. Там, на берегу, избушка стоит, на пороге старуха сидит, шерсть прядет. Увидела братьев и спрашивает:

— Куда вы путь держите?

Братья все рассказали.

— Тридцать невест в моем доме живут, — отвечает старуха.

Выбежали из дома девушки, одна краше другой.

Принялись братья невест выбирать: этому нравится та, другому — другая.

А Иван-младший брат промолвил:

— Мне дайте ту невесту, какая останется.

Настала ночь. Иван велел братьям лечь под лавки. Они так и сделали. А Иван не спал.

Он недоброе почувал, заметил по старухиной ухватке, что она Ёма. Не спит Иван, на лавку метла положена. А Ёма в это время нож точит. Наточила, подкралась к девушкам, отрезала косы и стала колдовать. И Ёма превратила девушек в лошадей. Они были ей не дочери, а пленницы. Она хотела и братьев обезглавить, да они легли под лавки, а на лавки по совету Ивана метлы положили.

Иван разбудил братьев, те вылезли из-под лавок, и он показал им разрубленные метлы.

— Если бы не я, ведьма всем нам отрезала бы головы.

Едва Ёма-баба захрапела, как Иван пошел во двор, Ёминых коней вычистил, накормил-напоил. Он понимал их язык. И одна лошадь сказала ему человеческим голосом:

— Нас, Иван, Ёма бьет. А когда она заставит запрягать, ты меня не бей, я подарю тебе за это жеребенка.

Так оно и вышло. Ёма заставила братьев каждый день три недели подряд лошадей запрягать, дрова возить, не жалеть лошадей, кнутом хлестать и за это обещала каждому коня.

Но Иван кобылу жалел, ни разу не ударил.

Пришел срок расплаты. Ёма разрешила братьям взять по коню. Братья взяли по доброму коню, Иван выбрал себе жеребенка. Едут братья верхом, Иван пешком идет, тащит за повод жеребенка.

А клубок вперед катится. Остановился он перед царским дворцом.

Пришли они к царю, и царь принял на службу их, братьев одного отца.

За ум и храбрость полюбил он старшего — Ивана, а братьев сделал конюхами.

Позавидовали братья Ивану, принялись на него царю наговаривать.

Однако царь их наветы не слушал. Братья прослы-

шали, что есть ковер-самолет, сядешь и полетишь. Они рассказали об этом царю.

— Иван-то,— говорят,— хвастался привезти ковер-самолет, отнять его у Ёмы-бабы.

Царь вызвал Ивана и приказал ему привезти ковер, а не привезешь, говорит,— отрублю голову!

Пошел Иван на конюшню. Жеребенок увидел, что он печальный. Стал спрашивать, отчего хозяин не весел. Тот и поведал жеребенку, что надо ему добыть ковер-самолет у Ёмы-бабы.

— Разве это служба, служба будет впереди!— заржал жеребенок.

Вскочил Иван на жеребенка, а жеребенок превратился в доброго коня, полетел над горами, над долами и очутился возле озера Ёмы-бабы, где братья сватали невест.

И говорит конь:

— Зайди, Ёма-баба спит.

Иван привязал коня к ограде. А ковер под головой Ёмы-бабы.

Иван вытащил ковер да так, что Ёма-баба и не слышала. Потом сел Иван на коня, помчался во дворец.

Проснулась ведьма, кинулась догонять, да где там!

Иван привез ковер-самолет старому царю, тот наградил парня, велел дать Ивану чашу с вином. А братьям еще обиднее стало.

Попритихли немного и снова говорят царю:

— Ой, царь-государь, за тридевять морей есть царевна-красавица Марпида. Наш Иван хотел привезти ее соседнему царю.

Распалилось царское сердце. Начал всех о красавице спрашивать, а потом позвал Ивана и велел ему привезти Марпиду-царевну. А не привезешь, мол, голову долой.

Пошел Иван опять к коню. Все ему поведал.

А конь заржал:

— Служба еще впереди.

Сел Иван на коня, конь помчался, а впереди клубок катится. Одно царство за другим мелькает.

Наконец, приехали в ту страну, где живет Марпида. Конь велел Ивану спрятаться.

— Я,— говорит,— буду тут ходить. Как зорька засияет, Марпида — царская дочь — выйдет гулять, ловить меня будет. Я лягу на траву, она на меня сядет, а ты не зевай, выскакивай из-под куста и прыгай в седло... И мы ускачем!

Лишь зорька засияла, царская дочь вышла в сад и стала коня ловить. Конь лег, и царевна села в седло... Вскочил Иван на коня и вместе с Марпидой прискакал к царю. Она и ахнуть не успела. Ну, царь наградил Ивана золотом и мехами...

А братья все еще в конюхах, от зависти не спят, не едят.

Старый царь говорит Марпиде:

— Давай обвенчаемся, красавица!

А царевна смеется:

— Как же обвенчаемся, ты-то старый, я молодая, и, кроме того, у меня подвенечного платья нет, меня к тебе молодец в старом сарафане привез.

— А какое ты желаешь подвенечное платье?— спрашивает царь.

Марпида в ответ:

— Мой наряд дома остался. Кто меня привез, тот пусть и наряд мой добудет.

Царь послал Ивана за подвенечным платьем. Иван запечалился и все рассказал коню. Конь голову повесил:

— Вот это,— говорит,— очень тяжелая служба, но и она не последняя, служба еще впереди. Да не знаю только, как мы ее исполним.

Мчится Иван снова за подвенечным платьем. Ехал, ехал, наконец прискакал в Марпидину страну и узнал, что подвенечное платье лежит в церкви под престолом, а там как раз служба идет.

Молвит конь:

— Я превращусь в золотого попа, народ удивится и повалит из церкви на меня глядеть. А ты возьми в то время наряд.

Конь золотым попом обернулся и стал ходить вокруг церкви.

Народ дивится: «Что за чудо». Вот и попы, дьяконы ушли из храма, и прихожане, а золотой поп все молится. Улучил Иван минуту, схватил царевнино платье, вскочил на коня и ускакал.

Тут все спохватились:

— Да это ведь тот молодец, что увез царскую дочь, а теперь подвенечное платье стащил. Да не догонишь его.

Вернулся Иван к царю, привез подвенечный наряд. Обрадовался царь.

— Теперь,— говорит,— обвенчаемся.

Но лукавая красавица Марпида все еще не соглашается:

— Ты старый, я молодая. Я хочу, чтобы и ты помолодел. У меня есть тридцатилетняя кобылица, она доит 30 ведер молока, если это молоко вскипятишь и окунешься туда, станешь таким молодым, как и я.

— Ну, что ж,— отвечает царь.— Кто тебя привез, тот и кобылицу приведет.

Царь опять зовет Ивана:

— Надо привести тридцатилетнюю кобылицу. Я кобылье молоко вскипячу, окунусь и стану молодым красавцем.

Иван все рассказал коню. Тот заржал:

— Ой, эта служба последняя. Да не знаю, как и поймаю эту кобылицу. Ну, езжай, попытай свое счастье.

Сел Иван на коня, поскакал на луг, где у реки кобылица паслась. Ехал, ехал, добрался лишь к вечеру. Солнце закатилось, а светло. Это грива кобылицы сияет. Увидела их кобылица, как бросится навстречу, человеческим голосом молвит коню:

— Милый мой сынок, о тебе я много слышала, тебя везде искала, ведь я родная мать тебе.

Вот обрадовался Иван! Кобылица сама за ними пошла.

Во дворце надоили тридцать ведер молока, вскипятили и в котел налили. А кобылица предупредила Ивана:

— Ты тоже выкупайся в молоке, только не сразу лезь в котел, позови сначала меня, будто проститься хочешь. А я трижды фыркну в молоко, оно остынет, тогда ты ныряй.

Вот принесли котел с кипящим молоком. Страшно стало царю. Велел окунуться сначала Ивану.

Иван просит царя:

— Приведи коня и кобылицу, хочу с ними попрощаться.

Привели и коня и кобылицу. Кобылица три раза фыркнула, Иван бросился в котел с молоком.

Вылез, люди глазам не верят, таким он стал пригожим. Только вылез — молоко в котле вновь сделалось горячим.

Царь скорей кинулся туда же.

Тут ему и конец.

Иван обвенчался с красавицей Марпидой и вместо царя стал страной править. Отца с матерью к себе вызвал, а коня и кобылицу нежил и холил.

ФЕДОТ-СТРЕЛЕЦ

Жил когда-то крестьянский сын Федот. Отец его зверо-ловом был. Подрос Федот, стал ходить с отцом на охоту. Однажды отец подарил Федоту ружье. С той поры он стал по-настоящему охотиться. И ружье его не знало про-маха.

Пришло время идти на службу в стрелецкое войско, и говорит Федот отцу:

— Батя, я это ружье возьму с собой.

Отец головой покачал:

— Эх, сынок, зачем же ты берешь ружье из дома, разве не найдется пищали для тебя на службе?

— А пусть,— говорит Федот,— мне свое дорого.

Стал Федот стрельцом, а со своим охотничьим ружьем не расстался. Ему говорят:

— Что же пришел со своим ружьем? Может, думал, что здесь нет пищали?

А Федот отвечает:

— Сызмала уж я привык к своему ружью и оставить его мне никак нельзя.

Служил Федот двадцать пять лет. Вот срок его кончился. И пошел Федот домой, а по дороге думает: «Служил я двадцать пять лет, самому уж больше сорока, отец и мать, наверно, померли, и дома нет».

Попалась ему в лесу избушка. Он там и поселился. Стал каждый день охотиться, птицу да зверя бить. А в доме управлялась по хозяйству старуха-стряпуха.

Вот наступил праздник, а Федот стал в лес собираться. Говорит ему стряпуха:

— Не ходи сегодня на охоту, удачи не будет.

— А у меня нет дня, в который бы удачи не было. Не буду и сегодня бездельничать. Пойду на охоту,— отвечает Федот.

Отправился в лес, весь день ходил, да ни зверь, ни птица ему не попались. Решил домой возвратиться.

«Что же это такое,— думает,— каждый день мне удавалось зверя подстрелить, а сегодня я с пустыми руками иду».

Только это подумал, видит — сидит на березе красавица-птица. Федот поднял ружье, хотел ее подстрелить.

А птица вдруг человеческим голосом заговорила:

— Не стреляй в меня, Федот!

Удивился солдат. Опять прицелился, и опять слышит:

— Не стреляй в меня.

Федот опустил ружье. Кто же это? Поглядел: птица как птица, только пестрая и красивая, с золотым хохлом. В третий раз прицелился.

— Не стреляй в меня, я тебе пригожусь!— снова проговорила птица человеческим голосом и прибавила:— Ты

стрелец Федот, подойди ко мне, и я сяду тебе на шанку. Любопытно стало Федоту. Подошел он к березе, птица вспорхнула ему на голову. Взял Федот ее в руки и принес домой.

Наутро птица говорит:

— Дай расчет своей служанке, без нее обойдемся.

Федот отпустил старуху. Отпустил и думает: «Зря послушался птицы». Служанка, конечно, злая и бестолковая, но все же она по хозяйству управлялась, обед готовила, белье стирала, а кто это станет делать теперь?

Вернулся Федот из лесу домой и диву дался. Не узнает своей избушки. Печка истоплена, обед сварен, пол вымыт. Лавки покрыты кумачом, а стены цветной китайкой. Обед готов, белье выстирано, а птица летает по горнице и голосисто поет. Так каждый день пошло. И любопытно стало Федоту, узнать захотел, кто у него дома хозяйничает. Вот однажды он не пошел охотиться, спрятался и смотрит в щелку — птица ударилась об пол и проговорила:

— Была я птицей, стану красною девицей.

И упали на пол радужные перья. Крылья сделались руками, вместо золотого хохолка на голове легла венцом золотая коса. Превратилась птица в девицу-красавицу. Глядит через щелку Федот, не наглядится. Не выдержал, вошел в избу. Испугалась девица, а потом объяснила:

— Мне птичье платье еще три года носить. Этот зарок на меня матушкой наложен. Хочешь на мне жениться — женись, не хочешь — на волю улечу.

Женился солдат на птице-девице. Ночью она женщина, а днем птица. Как только прошло три года, сбросила она с себя навсегда птичье платье и сказала Федоту:

— Вот тебе горсть серебра, ты сходи и купи в лавке разноцветного шелку.

Федот взял деньги, купил шелку и принес жене. Жена шелк смотала в клубок.

Наутро Федот проснулся, а на столе лежит шелковая скатерть, вытканы на ней цветы, деревья, синие моря и красная зоря.

— Ты,— говорит ему жена,— отнеси это на базар и продай. Цены особой не назначай, кто что даст, за то и продай.

Федот пошел на базар и стал носить скатерть да похваливать свой товар.

— Что ты продаешь?— спрашивают у него люди,

— А вот скатерть продаю.

— А сколько же она стоит?

— А кто сколько даст.

Много народу собралось вокруг Федота. Один покупатель предлагает за скатерть сто целковых, второй — двести. Другие цену набивают. До пяти тысяч поднялась цена... Как раз тут проходил царский казначей. Остановился, осмотрел скатерть и говорит, что стоит она не пять, а шесть тысяч целковых. Взял он скатерть, дал Федоту деньги и ушел во дворец. Показал скатерть царю. И узнал царь, что жена Федота-стрельца умеет красивые скатерти ткать. На скатерти все показано, что в этой стороне есть. Вот царь и говорит:

— Сходи к Федоту и прикажи его жене выткать еще одну такую скатерть.

Явился казначей к Федоту, увидел его жену и ничего не мог сказать, загляделся на ее красоту. Вернулся к царю и поведал ему, какая красавица-жена у Федота-стрельца. А у царя была нянька-колдунья. И рассказал он ей про жену стрельца.

— Хорошо бы мне,— говорит,— ее взять, а Федота извести.

Подумала колдунья и отвечает:

— Пошли ты стрельца на Белое море поймать черного оленя. Если этого не сделает, отруби голову, тогда его жена достанется тебе.

Царь велел казначею привести Федота-стрельца. Явился Федот-стрелец к царю.

— Вот, стрелец-Федот, или корабль снаряжай, или лыжи наостри, только отправляйся на Белое море и поймай там черного оленя. Даю тебе шесть суток на сборы. Не пойдешь — отрублю голову.

Федот вернулся домой, не пьет, не ест — горюет.

— Что ты сегодня не весел? — спрашивает хозяйка.

Федот все рассказал жене.

— А ты, — говорит жена, — не горюй. За шесть суток много можно сделать.

Прошло шесть суток. Царь снарядил для Федота корабль.

А Федотова жена побежала в лес и в полночь привела из лесу черного оленя. Загнала его в большой ящик.

Поутру этот ящик погрузили на корабль. А жена говорит мужу:

— Этот корабль больше трех суток не может продержаться, его царская нянька заколдовала. Если в трое суток не вернешься, погибнешь.

Федот-стрелец поплыл по рекам к Белому морю. А царь дал ему корабельщиков — на подбор все горькие пьяницы, на палубе валяются. Как только они заснули, Федот-стрелец повернул корабль назад и причалил к городской пристани.

Явился Федот во дворец, и царь стал спрашивать:

— Отчего ты, стрелец, так рано вернулся?

— А зачем мне долго ездить? — отвечает Федот. — Я поймал на Белом море черного оленя. Он на корабле у меня.

И при всем народе Федот вывел оленя на пристань.

Жили, жили Федот с женой, может, около года прошло, и опять отправился царь к няньке-колдунье.

— Как избавиться от Федота-стрельца? — спрашивает. — Не идет у меня из головы его жена.

— Ой,— говорит старуха,— жена Федота-стрельца сама волшебница и куда сильнее меня. А давай-ка попробуем так, пошлем Федота «Не знаю куда, не знаю за чем». И велм ему привезти «Не знаю кого». Если привезет, то мы погибнем. Только он никого не привезет и погибнет сам.

Ушел царь от старухи, приказал вызвать Федота-стрельца.

Явился Федот-стрелец к царю.

Царь и говорит ему:

— Вот, Федот-стрелец, придется тебе второе дело выполнить. Съезди ты — не знаю куда, привези — не знаю кого. Не привезешь — отрублю голову.

Вернулся Федот-стрелец к хозяйке, пуце прежнего загоревал.

— Что ты такой печальный?— спрашивает хозяйка.

Федот все рассказал жене без утайки.

— Ну, коли царь приказал, придется идти,— говорит жена.— Если меня послушаешь, живым вернешься, а если не послушаешь, можешь погибнуть.

Дала хозяйка Федоту-стрельцу три клубка ниток: белый, красный и синий,— и приказала: белую нитку обкрутить вокруг мизинца, красную нитку — вокруг безымянного пальца, синюю — вокруг указательного. Ты, мол, когда пойдешь, клубки с пальцев будут раскручиваться, укажут тебе путь, пока мотки не кончатся, а как кончатся — сам ищи дорогу.

А еще дала Федоту свернутое чистое полотенце и приказала, чтоб он не разворачивал его до тех пор, пока беда не придет.

А коли придет, мол, разверни да встряхни полотенце.

Прощался Федот с женой и пошел. Шел он по лесам, белый клубок размотал с мизинца. Вот нитка кончилась. Теперь стрелец обмотал вокруг безымянного пальца красную нить. Красный клубок его вел, пока весь не

размотался. Он взял синий клубок. А как кончилась синяя нить, увидел Федот в лесу большой каменный дом.

Зашел Федот-стрелец в каменный дом, а там старая-престарая старушонка на скамье, а в кровати прыгает лягушка. Видно, не простая лягушка, на шее у нее ожерелье. Лягушка заквакала и спрашивает Федота:

— Ква-ква, Федот-стрелец, куда, по какому делу отправился?

А тот отвечает:

— Иду — не знаю куда, не знаю за чем.

— Ква-ква, — квакает лягушка, — такой большой человек, а пришел и смешные разговоры ведет.

А старуха говорит:

— Сейчас, Федот, я тебе прикажу затопить баню, топи ее трое суток, потом вымойся, попарься, чтоб можно было тебя съесть, когда придут мои братья.

Федот-стрелец трое суток топил баню. Как только истопилась баня, пришли братья злой старухи — молодые великаны. Принялись они стращать Федота. Один великан взял коробок с ноготок. Открыл крышку, оттуда выскочили медведи, волки, лисицы.

Засмеялся великан, спрашивает Федота:

— Ну, как, испугался?

А стрелец в ответ:

— А чего мне зверей пугаться, раз при мне мое ружье.

Тогда великан махнул рукой, звери влезли обратно в коробок. Он велел Федоту идти в баню париться. Федот-стрелец послушался, вымылся, попарился, вернулся из бани. Бежать хотел, да найти дороги не может.

А великаны приказывают Федоту:

— Закрой глаза и зайди в эту горницу!

— Сейчас, — отвечает Федот, — только сначала трубку покурю.

— Нельзя курить,— говорит великан.— Если покуришь, опять придется мыться в бане.

— Ну, если курить нельзя, то позвольте полотенцем вытереться.

И Федот достал свернутое полотенце, что дала ему жена на дорогу.

Достал он из сумки полотенце и встряхнул его.

Поглядела на полотенце старуха, заметила на нем вышитые крупные буквы. Прочитала надпись и говорит:

— Да это, оказывается, наш зять пришел!

А лягушка заквакала:

— Жена Федота — моя дочка! Ква-ква, что ж ты раньше об этом не сказал?

Принялась новая родня угощать Федота. Целую неделю он гостил в каменном доме. Наконец, теща-лягушка говорит ему:

— Чтобы пойти неведомо куда, надо три моря перейти. Через два моря я тебя перевезу, а через третье — не знаю, смогу или нет. Я сейчас выйду на крыльцо, а ты ухватись за нитку моего ожерелья, держись крепче, чтоб не упасть, когда я перескочу через синее море.

Федот вместе с тещей-лягушкой вышел на крыльцо. Ухватился за ожерелье, что висело на шее лягушки, она раз-раз — и перепрыгнула вместе с ним через синее море.

— Через одно,— говорит,— море перескочили, авось, перескочим и через другое.

Отдохнула лягушка, опять вздохнула и перепрыгнула через второе море.

Глядь,— третье море лежит, волны так и ходят. Испугалась теща-лягушка, принялась просить зятя Федота, коль перепрыгнет она и помрет на берегу, то пусть он на нее, мертвую, ногой раза два-три подкинет землицу и дальше идет.

— Доберешься ты до того лужка, где гуляют две-

надцать молодцов,— заквакала лягушка.— Ты им не показывайся, ничего не говори, а только смотри и слушай. Они скажут: «Матразум, нам надо обедать!» И сразу Неведомо Кто ответит: «Ладно, ладно, еда готова». Неведомо Кто на стол принесет и подаст разные чашки, ложки и все кушанья, а самого его не видно будет. А ты ничего не ешь, только смотри. Пройдет не больше часу, ты и скажи: «Матразум, я хочу есть!» Как только насытишься, поблагодари, хорошо, мол, накормил, хорошо. А Неведомо Кто ответит: «Сколько лет я кормлю гостей, и никто спасибо не говорил, а с тем, кто меня сегодня поблагодарил, я пойду, куда ему угодно!» И пойдет с тобой Неведомо Кто.

Лягушка-теща рассказала все это Федоту-стрельцу на морском берегу. Охнула, перепрыгнула через морские волны и померла.

Федот-стрелец ногой подкинул землицы, засыпал квакушку. Потом отправился дальше. Дошел он до избышки на зеленом лугу. Все так и есть, как предсказала теща-лягушка. По зеленому лугу гуляют двенадцать молодцов, пришли в избу, просят есть.

— Матразум, подавай обед!

— Ладно, ладно, обед готов,— ответил Неведомо Кто, и оказались на столе кушанья, вина, ложки, плошки.

Молодцы поели, попили, встали и ушли.

Через час Федот-стрелец сказал:

— Ну, Матразум, угощай, мне есть хочется.

— Ладно, ладно!— проговорил Неведомо Кто.— Обед готов!

Невидимые руки подали кушанья и вина.

Поел Федот-стрелец досыта и говорит:

— А и вкусно же накормил меня, Матразум. Большое тебе спасибо!

— Сколько лет уже,— отвечает Неведомо Кто,— я кормил гостей из своих припасов, а спасибо никто еще не

сказал. А сегодня ты первый гость, который меня поблагодарил. Мне еще при рождении было сказано, что я должен здесь людей кормить до тех пор, пока меня гость не поблагодарит. С тем, кто мне скажет спасибо, я пойду куда угодно.

— Это хорошо,— говорит Федот-стрелец,— но как мне отсюда выбраться с тобой обратно?

— А ты,— отвечает Неведомо Кто,— об этом не тужи, ложись на полу и спи.

Послушался Федот-стрелец, лег и заснул. Спал он, спал и проснулся. Смотрит он — что такое, к пристани причалили. Кругом народ ходит. Приплыли корабли с войсками.

— Не возьмете ли меня с собой?— попросился Федот.

— Отчего не взять, возьмем,— говорят корабельщики.

Взяли они с собой Федота-стрельца и поплыли по морю. Видит Федот — пресной воды да хлеба у людей маловато и обещает им:

— Я вас буду всю дорогу кормить!

— Как же ты столько мирных людей и войска хочешь накормить?— спрашивают корабельщики.

— Накормлю,— засмеялся Федот-стрелец и крикнул Матразуму:

— Матразум, накорми всех людей на корабле.

— Ладно, ладно, обед готов,— ответил Неведомо Кто, и на столе всякая еда появилась.

Люди наелись, напились досыта и стали удивляться такому диву.

Трое суток плыл на корабле Федот, всех поил-кормил до отвала.

Корабельщики стали уговаривать Федота, чтоб он продал им своего Матразума.

А Матразум научил Федота-стрельца, как ему поступить.

— Они,— говорит,— будут давать три волшебные трубки: большую, среднюю и маленькую. Ты продай меня за маленькую. Продай и сойди с корабля, а я стану кормить их трое суток. Потом догоню тебя.

Так и сделал Федот, продал Неведомо Кого за маленькую трубку и сошел на первой пристани.

Трое суток кормил еще корабельщиков Матразум, а потом догнал Федота-стрельца. Корабельщики долго звали, просили Матразума угостить их, только напрасно.

Как явился Матразум к Федоту-стрельцу, Федот навестил свою родню. Родители Федота умерли, а шурины оставили его погостить.

Один шурин подарил Федоту серого волчонка.

— Этот волчонок,— говорит шурин,— что ни прикажешь, то и сделает.

Взял Федот-стрелец волчонка, попрощался с шуринами и отправился домой.

Шел, шел Федот-стрелец, и, наконец, добрался до своей деревни. Матразум велел Федоту посмотреть через маленькую подзорную трубку. Глянул Федот и увидел каменный дворец, оттуда доносились песни, на крыльце царь стоял.

Царь тоже заметил Федота и говорит няньке-колдунье:

— Никак, Федот-стрелец вернулся. Беда!

Колдунья-нянька не знала, что делать, только со страха головой трясла. Царь велел собрать войска и послать их к избушке Федота-стрельца. Да волчонок увидел это и затавкал:

— Идет сюда царское войско, Федот. Не будет тебе покоя, пока не отвяжешься от царя.

Жена посоветовала Федоту-стрельцу взять подзорную трубку и трижды в нее дунуть.

Глянул Федот в трубку, дунул в нее три раза, и вышло в поле целое войско, то самое, что кормил он на корабле. Воевода спрашивает:

— Ну, Федот-стрелец, приказывай.

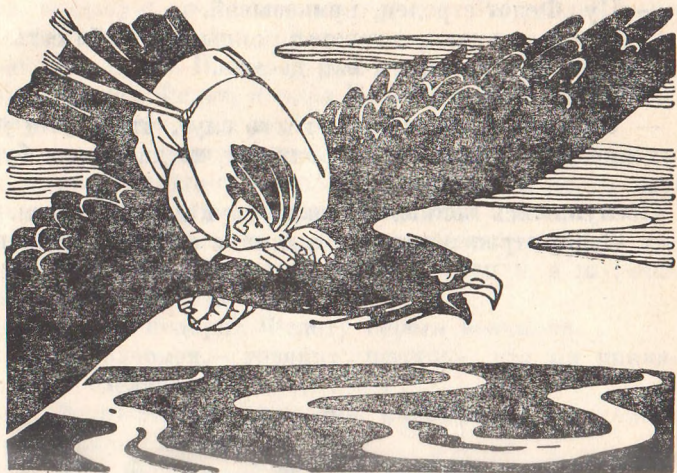
— Мы ведь знаем,— говорят воины,— у тебя есть Неведомо Кто и с тобой мы ели досыта.

А Федот в ответ:

— Сметите с земли царя и его слуг, чтобы они простых людей, вроде меня, не обижали, тогда мы все будем сыты.

Послушались воины. Царских слуг и царя убили.

А Федот-стрелец хорошо зажил с красавицей-женой.

ВОЙНА ИЗ-ЗА РЖАНОГО ЗЕРНЫШКА

Все началось из-за мыши и воробья. Да и ничего не поделаешь: как вышло, так и вышло — назад не вернешь.

Давным-давно на лесной опушке дружно жили мышь и воробей. Добра у них было вдоволь. Натаскали они к мышиной норке грудку ржи. Разделили рожь пополам, осталось одно зернышко. Мышь и говорит:

— У тебя, воробей, кренкий клюв, тебе и зернышко надо делить — раз клюнешь, и оно пополам.

А воробью не хочется свой клюв тупить, он и отвечает:

— У тебя, мышь, зубы острые, тебе и зернышко надо делить. Раз надкусишь, — оно пополам.

А мышке тоже не хочется острые зубы тупить.

Ни мышь, ни воробей не желают друг другу уступать. Стали они спорить, перекопаться, потом браниться.

Наконец, воробей смотрел, смотрел, кинул зерно, сразу его проглотил и вспорхнул на ветку.

Мышь себя от злости не помнит. Под березой бегаёт, сама воробья стыдит, а он её дразнит и так и этак.

— Чик-чивик, я твою долю съел! Достань-ка меня, чик-чивик... Поймай-ка меня!

Воробей с березы все ниже и ниже спускается. Вот-вот его мышь ухватит. Старается она, старается, но ухватить воробья не может.

Разъярилась мышь, стала грозиться:

— погоди, воробей, я тебя проучу! Вот соберутся все звери и пойдут войной на птичий род.

А воробей в ответ чирикает:

— Не боюсь, не боюсь. Я всех птиц лесных, полевых соберу. Мы зверей перебьем...

Мышь обежала и поле, и лес, и дуга, каждого зверя — большого и малого — оповестила, что птицы идут войной на зверей. Не могли этого звери стерпеть.

А воробей летал и чирикал, что звери решили истребить весь птичий род. Не могли этого птицы стерпеть.

На лесной поляне собрались большие и малые звери. Медведи когти наострили, волки зубы наточили...

Слетелись лесные и полевые птицы — столько их, что и красного солнца не видно. Здесь гуси-лебеди, орлы, филины и зоркие соколы.

Бросились птицы на зверей, и началась битва. Так один день прошел, другой, третий — триста дней пролетело. Все бьются звери и птицы. Из-за чего бьются, сами забыли. Кровь ручьями течет. Из ручьев стали реки, из рек — озера.

Напоследок остались в живых медведь и орел. Орел на елке, медведь под елкой — оба друг друга на чем свет бранят.

Взлетел орел, кинулся на медведя, а медведь — на него и сломал орлу крыло, но орел успел медведю лапы вывихнуть. Еле-еле убрался Мишка восвоеи, но с тех пор он и потомки его так и остались косолапыми.

* * *

Голодный орел со сломанным крылом ходит у кровавого озера. Нет ему ни жизни, ни смерти. Вот до чего война довела!

Тут показался рыбак, поглядел на странное озеро и дальше пошел.

Орел заметил рыбака.

— Возьми меня к себе, добрый человек,— просит он.— Покорми, пока крыло заживет.

И рассказал орел рыбаку, как тут из-за неподделенного ржаного зерна война была, откуда кровавое озеро взялось и как в битве с медведем он себе крыло повредил.

Подумал рыбак, подумал и взял орла с собой. Орел у него целый месяц прожил, съел всех кур и гусей, цыплят и уток. Но крыло у него не зажило. И житья не стало рыбаку. День-деньской бранит его жена, уговаривает:

— Пристрели орла!

Нечего делать, заплакал рыбак, жалко раненую птицу, а все же посадил орла на забор, взял ружье, прицелился.

Стал орел молить:

— Пощади меня, добрый человек, покорми еще месяц.

Согласился рыбак. Зарезал корову, то мясом, то рыбой кормил орла. Начало подживать крыло. Да мужику от жены житья не стало. День-деньской бранится. Требуется, чтобы пристрелил орла. Опять рыбак посадил орла на забор, орел опять молит его о пощаде.

Пожалел рыбак орла, зарезал лошадь, принялся кониной его кормить. Зажило орлиное крыло, и говорит орел рыбаку:

— Улечу я от тебя на три дня к дальней горе. Ударюсь о кремнистый камень. Если не обломится крыло, разделю я свое счастье пополам с тобой. Жди от меня щедрой награды.

И скрылся орел за тучей. Через три дня вернулся он и заклектал:

— Трижды ударился я крылом о камень, первый раз крылом огонь высек, второй раз камень треснул, третий раз ударил — и камень раскололся. Садись на меня, хозяин, верхом, я тебя понесу над землей, покажу белый свет, награжу по заслугам.

Сел рыбак верхом на орла, руками за шею ухватился, полетел орел выше облака и спрашивает мужика:

— Ну что, хозяин, какой ширины тебе кажется земля?

— С пятак медный! — отвечает рыбак.

Тут орел вдруг кувыркнулся вниз головой, не удержался рыбак, камнем полетел вниз.

Падает рыбак, вот разобьется! Только не разбился, орел на лету поймал его, посадил к себе на спину и спрашивает:

— Ну, каково было падать?

— Чуть сердце из груди не выскочило! — отвечает рыбак.

И заклектал орел:

— Так же и мне было, когда ты первый раз в меня целился.

Выше орел летит, а под горой стоит богатая изба с точеными столбами, с высоким крыльцом. Семицветная крыша у избы так и сияет.

Говорит орел:

— Здесь моя старшая сестра живет. Давненько я с ней не виделся.

Вот опустился на землю орел и вместе с рыбаком явился в горницу к сестре. Поздоровались они, поклонились.

А сестра-богачка перед зеркалом сидит, надевает бусы. Обличье у сестры человечесьё, только когти орлиные.

— Что же ты, братец, родню забыл? — говорит сестра.

Принялся орел рассказывать о войне из-за ржаного зерна, не скрыл, как мужик его мясом кормил.

А сестра когтями стучит, орлиным голосом кричит:

— Лучше бы на войне ты голову свернул. За три года ни одного подарка мне не прислал! Улетай, откуда прилетел. Нет у меня никакого брата.

— Ну, — говорит орел, — легче в лесу орлу с медведем встретиться, чем бедняку-брату с богатой сестрой увидеться.

Посадил рыбака к себе на спину, полетел за облака, спрашивает:

— Большой ли, хозяин, тебе кажется земля?

— С пуговицу, — отвечает рыбак.

Опять перевернулся орел, рыбак полетел камнем вниз, орел подхватил его, посадил на спину и заклектал:

— Ну, говори, каково было?

— Страшнее я ничего не испытал, — ответил мужик.

— Вот так же страшно и мне было, когда ты во второй раз меня на забор посадил, — отвечает орел. Раскинул крылья, дальше понес мужика.

Летел, летел, глядь — впереди на высокой горе стоит низкая избушка.

— Здесь моя младшая сестра живет! — сказал орел. И опустился на землю.

Вошли рыбак и орел за ограду, а во дворе красавица дрова колет. Обличье у нее человечесьё, только глаза орлиные. Увидала она брата-орла, от радости заплакала, на шею кинулась, повела брата и рыбака в избу. Там за стол усадила, накормила и принялась расспрашивать, где брат летал-пропадал, отчего три года к ней не заглядывал.

Рассказал орел о большой войне из-за малого зерна, не утаил, как жил он у рыбака.

Три дня гостили рыбак и орел у доброй сестры. На четвертый — в путь собрались.

А сестра говорит рыбаку:

— Ты, добрый человек, моего брата поил-кормил, и я не останусь перед тобой в долгу. Вот тебе коробок. Я принесла его сюда из-за синего моря. Положи его за пазуху и не раскрывай, пока домой не придешь. Дома раскроешь его.

Попрощался рыбак с орлом и его сестрой и зашагал домой. Наклонился к ручью воды испить, да выронил коробок, а тот сияет, будто маленькое солнце.

Захотелось рыбаку поглядеть, что внутри лежит, да он себя пересилил, спрятал коробок за пазуху.

А в лесу голубики да морошки полным-полно... Наклонился рыбак поесть их и снова выронил коробок. Тут уж он не выдержал, повертел золотой коробок и самую чуточку приоткрыл.

Только приоткрыл, наземь от испуга повалился. Из щелки заструилось, зазвенело, потекло красное золото.

Текло, текло, столько его натекло, что перед рыбаком выросла целая гряда монет.

Сидит рыбак, чуть не плачет, идти домой надо, а идти невозможно. Закрывать коробок рыбак не умеет, золото в лесу бросить жалко. А если его собрать — так не донесешь. И понял он, почему сестра орла запретила по дороге коробок открывать, да поздно уж было.

* * *

Сидит рыбак, сидит, что ему делать, не знает. Вдруг откуда ни возьмись подходит старик, борода седая, глаза злющие. Поглядел на груды золота, на коробок и говорит:

— Я твое золото на место положу и коробок закрою, только за это отдай мне через три года то, о чем ты сейчас забыл, а дома вспомнишь.

«Ничего не забыл,— подумал рыбак,— жену свою помню, избу, лодку, рыбацкую снасть тоже помню».

И обещал отдать через три года то, о чем он сейчас позабыл, а дома вспомнит.

Старик этот был Тун-колдун.

Вынул он черный платок. Только махнул, дунул, как груды золота, будто ручей, потекла обратно в коробок. Когда последняя монета в него вошла, сам собой захлопнулся коробок. Спрятал рыбак коробок за пазуху, попрощался со старым Туном и побежал домой. А Тун крикнул вслед:

— Через три года приду за обещанным! Добром не отдашь — силой возьму.

Вернулся рыбак домой. Думал, что недели две дома не был. Но глядит — все соседи постарели. Жена выбежала навстречу — на лице морщины, проседь в волосах. Заливается от радости слезами. Оказывается, не пятнадцать дней путешествовал рыбак, а целых пятнадцать лет.

Принялся рыбак рассказывать жене, где он был, что видел, только утаил, как открывал по дороге коробок. Сейчас открыл коробок — золото ручьем потекло.

А жена, чтоб еще больше порадовать мужа, говорит:

— Как улетел ты на орле, у меня через полгода сын родился. Небось, ты забыл, что я ждала младенца. Сынок вырос умный, сильный, удалой красавец. Любые ремесла знает — и сам сыт, и меня кормит. Он и плотник, и охотник, и кузнец, и жнец, на все руки мастер.

Побежали рыбак с женой на опушку и видят, выходит из леса молодой удалец, точь-в-точь на отца похож.

Богато и весело зажили рыбак с женой. Всего у них вдоволь. Только юноша не весел. В лесу вырос — цену золота не знает, а пойдет в лес, слышит, как листва шумит, пророчит юноше тревожные времена.

Разбогатели родители. Рыбу да зверей ловить теперь им не нужно. Семья сыта. Юноша силков не ставит. За-

росли молодым кустарником его лесные уголья. Только из лука он бьет порой рябчиков и тетеревов и отдает дичь бедной старухе, что в лесной избушке живет...

Так прошло три года. Наступило время расплаты. Вспомнил рыбак обещание, данное старому Туну. Понял, что должен отдать старику единственного сына. Теперь рыбаку день — не в день, ночь — не в ночь. Рад бы он был все богатство на дороге оставить, только б с милым сыном не расставаться. Но таит рыбак свое горе.

А сын опять в лес пошел. Взял каленую стрелу, натянул тугой лук, выстрелил в рябчика, да не попал. Стрела среди деревьев пролетела и пропала в лесной чаще.

Отправился юноша стрелу искать и видит — стоит знакомая избушка под хвойной крышей, а в самую стену стрела вонзилась. Парень сразу узнал избушку — сюда он приносил лесной бабушке битую дичь.

Хотел парень вынуть стрелу и незаметно уйти, а старуха тут как тут.

— Здравствуй, охотник,— говорит бабушка,— я давно заметила, как ты мне тайком помогаешь. Зайди ко мне в избу, я тебе в воду погляжу, счастье наворожу!

Зашел парень в избушку. Бабушка налила воды в глиняную чашку, стала в воду глядеть и приговаривать:

— Ой, сынок, тебя ищет старый Тун. Живет он возле большой реки, стережет двенадцать дочерей. А сейчас черным коршуном летает над лесом, хочет исклевать твое сердце.

Рассказала парню, как и почему обещал рыбак отдать его старому Туну. И прибавила:

— Домой ты, молодец, не возвращайся. Иди на верхнюю поляну и пусти стрелу прямо по ветру. В стрелу будет моя сила. Куда полетит стрела, туда и ты за ней иди, где упадет стрела, там и остановись. Доберешься ты до светлой реки. Как доберешься, залезай в густой прибрежный ивняк и сиди там, пока не прилетят на речной

песок двенадцать белых лебедей. Одна лебедушка — твоя суженая. Ты спрячь ее белый платок и жди, что дальше будет.

Поблагодарил парень бабушку, попрощался с ней, родной стороне поклонился и пошел на лесную поляну. Там по ветру пустил он каленую стрелу. По воздуху стрела летит, по земле молодец бежит.

Упала стрела на сыпучий песок, на речной берег. Забрался парень в зеленый ивняк, стал ждать белых лебедей. День прошел, ночь промчалась, а как солнце взошло, прилетели лебеди. Ударились лебеди о сырую землю, превратились в белолицых красавиц, побежали в быструю речку купаться, а сарафаны и белые платки на берегу оставили.

Полобилась парню самая молоденькая лебедушка. Подкрался он тайком и спрятал ее белый платок.

Вышли девушки на берег, оделись, белые платки накинули, ударились о речной песок, превратились в лебедей и улетели. Осталась одна младшая сестра. Бегаёт она, ищет свой белый платок.

Тут из густого ивняка вышел молодец и подал девушке платок.

— Прости меня, — говорит. — Я как увидел тебя, сразу полюбил.

Смутилась девушка, покраснела и тихо проговорила:

— Кто тебе указал дорогу ко мне?

Рассказал молодец все по порядку, как война пошла из-за ржаного зернышка, как отца орел унес, как отец дал обещание Туну. Поведал молодец и о бабушке, и о каленной стреле, что его сюда привела.

Сняла девушка-лебедь свое золотое колечко, надела парню на безымянный палец и ласково проговорила:

— Знай, куда ты пойдешь, туда и я пойду, потому что навек тебя полюбила.

И рассказала девушка-лебедь, что она младшая дочь злого Туна. Одиннадцать старших сестер любит и голубит Тун, а ее, меньшую, от третьей жены, поедом ест. Он и на матушку, как медведь кидался, в гроб вогнал, он и дочери не дает житья.

— Теперь старый Тун твоих родителей разорил, дом их сжег и тебя ищет повсюду,— сказала девушка.— Хочет он тебя сделать своим рабом, твоей горячей крови напиться. Но ты не бойся. Пошлет Тун за тобой стражу, ты не убегай, а сам иди страже навстречу. Когда приведут тебя к Туну, стой перед ним прямо. А еще запомни, в его доме для меня и сестер двенадцать горниц отведено. В самой последней живу я одна. Только ночь наступит, приходи ко мне и постучи в дверь золотым кольцом, дверь сама откроется.

Попрощался парень с девушкой, ударилась она о прибрежный песок, превратилась в белую лебедь и улетела.

Поглядел ей вслед добрый молодец, вздохнул и сел под сосной.

Сидит парень под сосной, не знает, что стража злого Туна его окружила.

Завидел парень стражу, но не стал сопротивляться, дал себя по рукам-ногам связать и к Туну отвести.

Ой, и страшен старый Тун. Из глаз искры сыплются, изо рта дым валит, волосы дыбом стоят. Поглядел на парня старый Тун и расхохотался.

— Ой,— кричит,— сын воробья, мышинное отродье, для того ли я тебя у твоего отца купил, чтоб потом потерять? Отчего ты из дома бежал, где от меня прятался?

Добрый молодец выпрямился и говорит:

— Я сам ушел к тебе от родителей. Ушел тайком, чтобы их не огорчать, но заблудился в дремучем лесу. Делай со мной, что тебе угодно.

Приказал Тун парню:

— Смотри мне в глаза.

А парень глядит и думает о том, что он ни в чем не виноват, а страдает за долги отцовские.

Смотрел Тун на молодца, но тот своих мыслей не меняет. Только эти думы и прочел Тун, да увидел еще образ своей дочери.

Устал Тун и говорит:

— Слушай, сын воробья, мышинное отродье, мой приказ — я женю тебя на своей младшей дочери от третьей жены, но за это к утру ты должен построить в лесу — на зеленом лугу — дворец. Построишь — свадьбу твою справлю, не построишь — голову отрублю.

Так сказал Тун и велел развязать парню руки и ноги. А добрый молодец пошел в сени, идет и двери считает. Нашел двенадцатую дверь, постучал в нее золотым кольцом. А там уже ждет его девушка-лебедь. Обнял невесту добрый молодец. Все поведал ей, а красавица говорит:

— Иди на середину зеленого луга, и моим золотым кольцом дважды прикоснись к земле. Явятся к тебе чудовища и помогут тебе построить дворец.

Прощался парень с невестой, взял топор, вышел на середину луга, дважды провел по земле золотым кольцом. И загудела земля, вылезли чудовища. А парень помахивает топором и чудовищам приказывает:

— Ой, вы, чудовища, помощники Ыджыд вэрс¹, рубите деревья, обтесывайте бревна, таскайте сюда!

Чудовища деревья валят, бревна обтесывают, а парень дворец строит — ведь он на все руки мастер. Чудовища ему помогают, кто окна прорубает, кто дверь навешивает. А молодец ставни и дверь узорами изукрасил, крышу покрыл, на точеных столбиках расписное крылечко сделал.

Только выглянуло солнышко, поглядел Тун и своим глазам не поверил. Позвал молодца, говорит ему:

¹ Ыджыд вэрс — главный леший.

— Завтра пусть перед дворцом побежит светлая река и пусть вокруг дворца зашумит зеленый сад, а в саду запоют птицы. Выполнишь приказ — будешь мне зятем, не выполнишь — голову тебе отрублю.

И опять пошел добрый молодец к невесте. Снова она ему посоветовала провести по земле золотым кольцом.

Так и сделал парень. Явились чудовища, помогли ему выкопать русло реки и сад насадить.

Поглядел старый Тун и приказал парню к утру через реку построить хрустальный мост.

— Построишь, — говорит, — будешь с моей дочерью по мосту гулять, не построишь — казню.

И опять по совету невесты парень дважды провел кольцом по земле и снова чудовища помогли ему выполнить приказ злого Туна. Мост был готов. Невеста к мосту прибежала, милому проговорила:

— До утра нам надо бежать отсюда. А то отец даст приказ выполнить такую работу, что ни ты, ни чудовища не справятся.

И красавица превратилась в птичку-невеличку, полетела в горницу, где отец ее спал, и похитила черный платок. В нем заключалась колдовская сила. Много зла причинил людям Тун с помощью этого платка.

И сбросила птица перья, снова в девушку превратилась.

Спит старый Тун, не знает, что по хрустальному мосту ушла от него с женихом двенадцатая дочь и черный платок унесла. Она платок бережет, а парень — каленую стрелу, что к невесте его привела.

Взмахнула девушка платком, превратились жених и невеста в голубей и полетели на волю.

* * *

На заре проснулся Тун — глядит, через реку переброшен хрустальный мост, но не гуляют там парень с де-

вушкой, глянул в певачуман¹ — нет платка, одна черная нитка осталась.

Разъярился Тун, стал у месяца спрашивать, где дочь с женихом. Побледнел от страха месяц, и за лес закатился. Стал у солнца спрашивать, а солнышко отвечает:

— Ничего я об этом не знаю, не ведаю, ночью скрылась твоя дочь с женихом, а ночью я сплю.

Кинулся Тун на дорогу, стал, как собака, обнюхивать землю и воздух. И почувял он, в какой стороне беглецы.

Превратился старый Тун в серого волка, кинулся в погоню. Увидела голубка волка, взмахнула платком, встал частый ельник, не пробраться через него зверю, а голуби дальше полетели. Да недаром из глаз Туна искры летят. Загорелся лес и сгорел, а Тун снова бросился в погоню. Теперь он коршуном летит. Но девушка-голубка платком махнула, и туча скрыла коршуна.

Летят голубки дальше. Устали они, превратились в людей — пешком пошли на восток. А Тун из тучи выбрался и дальше в путь.

Вдруг видят, настигает их Тун. Пустил парень в него каленую стрелу, ударила стрела в Туна, приковала к земле злого ведуна. Не может он подняться. Девушка взмахнула над головой Туна черным платком, и превратился он в одинокую сосну.

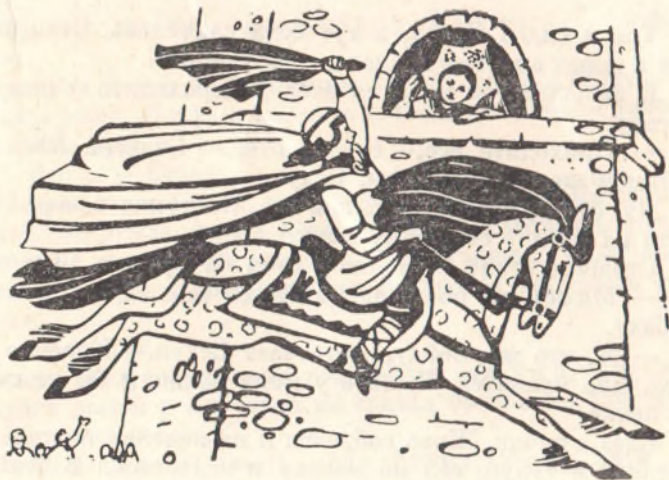
До сих пор эта сосна стоит, скрипит от ветра, людей пугает.

А девушка под сосной костер развела, сожгла на огне платок, и пепел развеяла по ветру.

С той поры не осталось на земле ни одного злого Туна.

Парень с девушкой отыскали родителей — рыбака и его жену, справили свадьбу, построили в лесу избушку, стали жить-поживать, добра наживать.

¹ Ш е в а ч у м а н — берестяной короб.

СЕДУН

У крестьянина было три сына. Старший — Василий, средний — Федор, третий, самый младший, Седун. Так называли его за то, что он с печи не слезал, все сидел там да сухую глину колупал. А двое старших братьев не глупые, не умные, не ленивые, не работающие, не поймешь какие.

Они, бывало, над Седуном смеялись:

— Слезай с печки да ползи на коленях, погуляешь, на красных девушек поглядишь.

А Седун в ответ:

— Не хочу я девушками любоваться. Ни к чему мне это.

Так и сидел Седун, а тут беда случилась. Отец заболел и перед смертью позвал к себе сыновей.

И завещал три ночи по очереди приходить к нему на могилу.

— Приходите все,— сказал отец.— Сначала Василий, потом Федор, потом и ты, Седун.

Ну, отец умер, похоронили его. Наступил вечер. Пора идти на могилу старшему сыну.

Страшно стало Василию и стал он просить Седуна:

— Может, ты пойдешь? Я куплю тебе за это красную рубаху.

— А, что же, пойду,— отвечает Седун.— Красная рубаха мне нравится. Была б у меня такая, я бы не сидел на печке.

Слез с печки. Живо собрался и на коленях пополз. Закутался в тулуп, сел на могилу и задремал... В полночь слышит отцовский голос:

— Кто тут?

— Это я — Седун.

— Ну, за это я подарю тебе коня.

Открыл глаза Седун, что такое? По небу ясный месяц плывет, по земле гнедой конь бежит, и глухо, глухо изда-лека голос отца доносится: «Не простой подарок взял сынок, придет время и братья тебе позавидуют. Если влезешь ты в левое ухо коня, то из правого выйдешь красавцем».

Голос умолк. Взял Седун под уздцы гнедого коня, отвел его к лесному ручью, вернулся домой и ни слова братьям не сказал о том, что с ним приключилось.

Вторая ночь наступает, надо идти на кладбище среднему брату Федору, а его оторопь взяла. Просит он Седуна:

— Седун, не пойдешь ли ты за меня, я сошью тебе за это сафьяновые сапоги.

— Пойду,— отвечает Седун.— Я потому сроду никуда

в люди не выхожу, что разутый. Как обуюсь, пойду гулять.

Вечером Седун на отцовскую могилу пополз. Опять он там заночевал. Вдруг в полночь слышит отцовский голос:

— Кто тут?

— Это я — Седун.

Открыл глаза Седун, что такое? По небу ясный месяц плывет, по земле серый конь бежит, и слышится голос отца: «Не простой ты подарок взял, сынок... Если влезешь ты в правое ухо коня, то из левого вылезешь силачом».

Голос умолк.

Седун взял серого коня под уздцы, отвел к ручью. Сам вернулся домой и ни слова не сказал братьям о том, что с ним приключилось.

Наступила третья ночь, надо самому Седуну идти на кладбище. Седун на коленях пополз туда.

И опять он задремал на отцовской могиле. А в полночь открыл глаза Седун. За тучей плывет золотой месяц, по земле бежит вороной, златогривый конь, и слышится голос отца: «Ой, сынок, это всем коням — конь! Он станет летать ясным соколом по небу, рыскать серым волком по земле и тебе поможет добыть счастье и славу».

Седун опять отвел коня в чащу и домой воротился.

А той стороной правил царь, у него было три дочери: Марья, Василиса и Марпида. Царевны подросли, стали выбирать женихов. Царь дал девушкам шелковые платки. У одной красивый, синий, у другой — желтый, еще красивее, а у самой младшей, Марпиды-царевны, самый красивый, ярко-красный — горит как огонь. Ну, наутро повесили на крыше терема синий платок старшей дочери.

— Кто,— говорят,— его достанет, тот будет женихом царевны.

Эта весть по всему царству летит. Со всех сторон люди конные и пешие собираются.

Василий и Федор, оба холостые, тоже отправились доставать платок. Стал Седун просить:

— Братцы, не возьмете ли и меня с собой? Пусть вы не купили мне ни красной рубашки, ни сафьяновых сапог, я в старом пойду.

Братья только смеются.

— Молчи, дурак, куда ты пойдешь, сиди на печи.

Потом запрягли худенькую клячу, сели в сани и уехали. Братья уехали к царевне, а Седун пополз к лесному ручью. Кликнул он первого коня. Затряслась земля, прибежал конь. Седун, как велел ему отец, влез в конское ухо. В одном ухе парился-мылся, во втором одевался-обувался и вышел раскрасавцем.

Вскочил на гнедого коня и поскакал.

Перегнал он братьев: недалеко они отъехали. Загляделись они на доброго молодца, да разглядеть не успели. А Седун уже далеко впереди. Подлетел он к царскому терему на коне, выше кровли подпрыгнул, чуть-чуть синий платок не достал, и на царевну через окошечко глянул:

— Не та!— говорит.

Люди вокруг удивляются на молодца. Никто не знает, кто он и откуда.

— Смотри,— говорят,— мог бы взять платок, а не берет.

Седун вернулся домой, а братья все еще едут. Наконец, добрались. А Седун уже на печи сидит. Лицо платком завязал, одежду спрятал, а коня к ручью угнал.

— Ну, братья, что слышали, что видели возле терема?— спрашивает Седун у братьев.

— Ничего не видели,— говорят они.— Только видели красавца на коне, он на царевну поглядел, а платка не взял. Синий платок схватил заморский королевич.

Назавтра средняя дочь подняла над теремом свой желтый платок. Василий с Федором опять говорят:

— Сходим и мы, может, сегодня платок достанем. Седун опять стал проситься: «Возьмите меня!»

Братья посмеялись:

— Молчи, куда ты пойдешь, лежи на печи, знай.

Потом запрягли свою клячу и поехали. А Седун слез с печи, пошел в дубраву, кликнул другого коня, серого. В одно ухо влез. Мылся-парился, в другом одевался-обувался, силы набрался. Теперь он стал не только раскрасавцем, но и силачом-молодцом. Вскочил на коня и помчался. Вскоре он перегнал братьев и домчался до золотоверхого терема, разогнал коня, подскокчил к самому окошку, где царевна сидела. Поглядел на нее:

— Не та,— говорит.

И не взял желтого платка. Люди удивляются:

— Вот какой, мог взять платок и не взял!

Платок схватил какой-то князь. Вернулся Седун домой, коня угнал к ручью, одежду спрятал, лицо завязал. Ни о чем братья не догадались.

На третий день красный платок над теремом подняла Марпида-царевна, младшая сестра. Люди собрались со всего царства, все желали достать платок красавицы-царевны.

Братья говорят:

— Сходим и мы, может, сегодня достанем.

Седун опять просится:

— Сегодня уж не останусь, тоже пойду.

Вышел и первым сел в сани. Братья посмеялись, поругали его, но он не вылез из саней.

— Ну ладно,— согласились братья.

Довезли Седуна до ручья и выкинули его из саней. Смеялись, смеялись до упаду и уехали, а Седун остался.

— Ну,— говорит Седун,— и то хорошо, что до ручья довели.

Кликнул он третьего коня, вороного, златогривого. Прибежал конь-огонь. Седун в одно ухо влез, попарился-

помылся, в другом оделся-обулся. Он уже был красавцем и силачом, а теперь ума-разума набрался. Вскочил на коня и полетел, перегнал братьев, толкнул их сани, Василий и Федор на снег вывалились.

— Никак,— говорят,— зимой гром прогремел.

Примчался Седун к царскому терему. Разогнал коня, тот подскочил выше терема, потом уж опустился, глянул Седун в окно на царевну и закричал:

— Та, та самая,— и схватил красный платок Марпиды.

— Ой, ловите, ловите,— кричат люди.— Кто это такой? Платок схватил.

А как поймашь Седуна! Над головами людей летят конь и всадник! На обратном пути Седун опять обогнал братьев. Когда же вернулись и они, Седун уже на печи, лицо завязано. Конь в лесу.

— Завтра, Седун, вместе поедем к царю,— говорят братья.

— Ну,— отвечает Седун,— и меня что ли приглашали?

— Завтра,— смеются братья,— все должны придти, и даже слепые и безногие со всего царства. Царские дочери будут искать в толпе своих женихов.

— Ладно, пойду,— молвил Седун.— А вы мне скажите, что с вами сегодня приключилось.

Заохали братья.

— Эх,— отвечают.— Зимой гром гремучий прогремел, нас с розвальней скинул.

— Сидели бы дома, как я, лучше б было.

Ну, переночевали они, утром на рассвете Федор проснулся: «Что это, думает, такое, горит что ли? Не пожар ли в избе?»

А это кончик красного платка высунулся из-за пазухи Седуна.

Седун скорей обратно сунул кончик алого платка,

братья встали, видят, что пожара нет, пламени нет.

Как совсем рассвело, Федор и Василий запрягли клячу, взяли с собой Седуна и вместе поехали к царю.

Со всех концов туда собрались люди, кто может и не может, слепой и хромой, бедный и богатый,— все тут.

К полудню никого дома не осталось.

И Седун в толпе. Лицо завязано, на коленях ползет. Люди глядят на Седуна и головами качают: «Этого зачем привели, ведь он — сразу видно — не жених!

А царь отвечает:

— Нет, все должны придти сюда!

И царь подал старшей дочери стакан вина. Велел обойти всех людей:

— У кого увидишь свой синий платок, того вином угости, потом веди за стол, садись с ним рядом, он твоим женихом будет.

Старшая дочь стала обходить гостей, вскоре увидела заморского королевича, который держал синий платок.

— Батя,— говорит Марья,— я нашла себе жениха.

Угостила королевича вином и села с ним за стол рядышком.

Отец подал стакан вина средней дочери Василисе-царевне. Так же, мол, гостей обойди, и у кого увидишь свой желтый платок, того угости и садись с ним рядом за стол. Он твой жених.

Средняя дочь Василиса тоже скоро увидела князя, который держал желтый платок. Угостила его вином, села с ним за стол и говорит отцу:

— Я нашла себе жениха!

Теперь царь-отец посылает третью дочь, красавицу Мариду-царевну, подает ей стакан вина и говорит: «Обойди и ты гостей, у кого заметишь красный платок, тот твоим женихом будет».

Пошла красавица-царевна... Вот обходит она ряды гостей. А из-за пазухи Седуна платок немного высунулся,

самый уголок, что огонек. Маршиде царевне стыдно стало, что у такого человека ее платок оказался. Будто не заметила платочка, мимо прошла и ни с чем вернулась к отцу.

— Не сыскала я платка,— говорит.

А царь-отец строго отвечает:

— Обойди гостей второй раз, все равно где-нибудь да свой платок увидишь, здесь он должен быть.

Царевна опять обошла гостей, мимо Седуна прошла, но будто не заметила платка, хотя он теперь наполовину высунулся, принесла стакан вина обратно, поставила на стол.

— Не нашла,— говорит,— отец, платка, не знаю даже, где он.

А царь-отец еще пуще рассердился.

— Неужели,— говорит,— не сыскала? Ты,— говорит,— обманываешь меня. Плохо, наверно, ищешь. Иди опять и без платка не возвращайся.

В третий раз девушка не стала уже обходить ряды гостей, знает, видела, у кого платок. Заплакала она. Прямо подошла к Седуну, угостила вином, и за стол рядом с ним села. Люди начали смеяться, шептаться:

— Нашла?— спрашивает царь-отец, когда услышал смех.

— Да, я нашла жениха!— говорит Маршида-царевна, сама головы поднять не смеет, стыдится.

И отец поглядел на Седуна, опечалился, рукой махнул. «Может нам прогнать его потихоньку»,— думает.

Посмотрела и царевна на жениха, испугалась было, как он на коленях ползет, лицо грязной тряпкой завязано, зато глаза синие, синие, точь-в-точь как у того богатыря, что сорвал с кровли терема красный платок. И полюбились Седуновы глаза красавице. Она и говорит отцу:

— Мой жених, хотя и неказист, а по сердцу мне. Не гони его!

Услыхал эти слова царь-отец, разгневался так, что на него и глядеть страшно, а зятя — заморский королевич и богатый князь — глумятся над Седуном и меньшей царевной-красавицей, в огонь масла подбавляют.

В тот же день три царские дочери вступили в брак. Но в честь свадьбы меньшей царевны отец не устроил пира. Приказал новобрачным жить в хлеву, кормить свиней и коров, а самим обедать на черной кухне. Зато в честь старших зятьев царь задал пир на весь мир. На пиру дошла до царя весть, что в лесу водится золоторогая лань, царю захотелось ее получить. Подумал царь-отец и сказал зятям:

— Покажите себя, поймайте и приведите сюда золоторогую лань. Кто ее поймает, тот и первым человеком будет считаться.

Зятья согласились.

Взяли веревки, ременные вожжи и пошли в дорогу. А Седун на черной кухне говорит своей жене-царевне:

— Сходи к отцу, попроси водовозную лошадь, я тоже хочу лань поймать. Я ведь тоже царский зять.

Марпида-царевна передала отцу просьбу Седуна.

— Отстань,— отвечает царь,— какую еще лошадь нужно Седуну, пусть лучше сидит дома, не смешит людей.

А царица-мать и говорит:

— Жаль что ли тебе кобылу-то, дай ему.

Ну, царь дал, наконец, Седуну водовозную клячу, худая она, тощая, только кожа да кости. Седун приполз и задом сел на кобылу. Конец хвоста в зубы взял, ладонями хлопает, едет. А людей тут на пиру видимо-невидимо. Они в окна глядят, смеются над царским зятем.

— Смотри, смотри,— кричат,— Седун-зять тоже поехал лань ловить и задом сел на лошадь. Уж он-то, наверно, поймает золоторогую лань.

А Седун все дальше и дальше ехал, пока не добрался

до ручья. Взял за хвост кобылу, встряхнул, мясо далеко отлетело, а в руках только шкура осталась. Потом он повесил шкуру на ветку и кликнул своего златогривого коня. В одно конское ухо вошел, помылся-попарился, в другом оделся, обулся и таким молодцом стал. Ох, какой сильный, красивый, разумный! Вскочил на коня, свояков перегнал.

По дороге Седун рассказал коню, что он собрался охотиться на златорогую лань.

Седун дальше помчался в лес да в поле, поймал златорогую лань и повез во дворец.

А свояки все еще на охоту едут, как встретили Седуна, увидели лань на его седле, удивились:

— Ты уже едешь с лова, а мы на лов!

— Поздно,— отвечает Седун.— Я уже поймал златорогую лань.

Принялись свояки уговаривать Седуна, что б он продал лань.

— Хорошо,— отвечает Седун,— да я дорого запрошу. По большому пальцу с ноги отрежьте и дайте мне, я вам лань отдам.

Сваяки подумали, подумали, потом отрезали по большому пальцу, отдали молодцу.

Седун дал им златорогую лань и уехал.

А два свояка отправились к царю. Царю любо стало, еще больше зятьев угощает.

Вот, мол, зятя, какую добычу принесли. Седун-то ведь тоже куда-то уехал, не видели ли?

— Нет, не видели,— говорят зятя,— и наперебой хвастаются, как поймали златорогую лань.

Когда-то и Седун вернулся. На коленях приполз. Лицо завязал. От ручья ему долго пришлось пешком брести. Он, бедняга, поймал с десятков ворон-сорок и тащит царю.

— Натe,— говорит,— тeсть-тeщa, гoстинeц привeз — дoбычу свoю.

Мнoгo смeху былo!

Цaрь e дoсaды плeнул.

— Ты двoрeц мoй пaкoстишь,— гoвoрит.

И прикaзaл слугaм выбрoсить птиц кудa-нибудь пo-дaльшe.

Сeдун к жeнe прикoвылял в хлeв.

А нa пиру нoвый слух пoшeл, будтo в лeсу вoдитeся свинкa Зoлoтaя щeтинкa. Цaрь и гoвoрит:

— Ну, зятья, пoймaйтe мнe свинку Зoлoтую щeтинку.

— Лaдно,— oтвeчaют.

Нoги-тo у них бoлят, oни тeрпят. Взяли кoжaныe вoжжи и пoexали.

А Сeдун oпять жeну пoсылaет:

— Иди, Мaрпида-цaрeвнa, прoси у oтцa втoрую кoбылу, я тoжe пoеду зa свинкoй Зoлoтoй щeтинкoй, я вeдь тoжe цaрский зять.

Мaрпида-цaрeвнa стaлa прoсить лoшaдь у oтцa, нo цaрь нe сoглaсился. Дa цaрицa oпять зaступилaсь зa дoчь, жaль стaлo цaрeвну. Ну, вдвoем угoвoрили eгo.

Сeдун сeл нa кoбылу бoкoм и oпять eдeт.

Нaрoд кричит:

— Смoтри, смoтри, Сeдун oпять пoexaл нa oхoту, a тeпeрь уж лyчшe сидит, нaучилeся. Этoт ужe oбязaтeльнo пoймaет свинку.

А Сeдун нe oбрaщaeт нa них внимaния, eдeт и eдeт. Дoбрaлeся oн дo рyчья, кoбылу схвaтил зa хвoст и дeрнул, мясo дaлeкo oтлeтeлo, a шкyру пoвeсил нa вeткy, свистнул-кликнул свoегo втoрoгo кoня.

Прибeжaл бoрзый кoнь. Сeдун oпять вoшeл в уxo, пaрилeся-мылeся, в дpyгoм oдeлeся-oбулeся и oпять oттyдa вышeл сильным, крaсивым и рaзумным, сeл нa кoня и скoрo пeрeгнaл свoякoв. Расскaзaл oн кoню, зa кeм eдeт нa лoв. Кoнь зaржaл и oтвeтил:

— Мы с тобой догоним свинку Золотую щетинку.

И поймал Седун свинку Золотую щетинку.

На обратном пути встретились ему свояки. Стали молить:

— Продай нам свинку!

— Продам,— отвечает Седун.

— А что запросишь за нее?

— А прошу недорого, снимите со своих спин кожу шириной с ремень.

Подумали, подумали свояки и опять согласились, сняли со спины один у другого кожу шириной с ремень и отдали молодцу. Седун дал им за это свинку с золотой щетинкой и уехал. Привели свояки свинку Золотую щетинку к царю, царю еще пуще прежнего любо, еще больше принялся поить, угощать зятьев.

Наконец, и Седун воротился. На коленях приполз. Лицо завязано. Ворон, штук сорок, тащит.

Но теперь Седуна уж не пустили в палаты. И проковылял он в хлев к жене.

А на пиру пошла молва, будто в поле бегают кобылицы в тридцать сажень и у нее тридцать жеребят.

Царь снова просит зятьев изловить кобылицу и привести жеребят ко дворцу. Согласились они.

Нелегко было царским зятьям — королевичу и князю: ноги, спина болят, уж и ходить не могут, а все же побоялись ослушаться царя и поехали.

Седун опять послал жену попросить у отца третью клячу, захотел поймать кобылицу вместе со свояками.

Маршида-царевна пошла к отцу. Тот наотрез отказал, и снова мать заступилась за дочь, велела отдать клячу.

Седун сел и теперь уже хорошо едет, сидит прямо и рысью гонит лошадь. Удивляются люди: «Вот, мол, смотри, научился ездить».

Ну, Седун добрался до родника-ручья, взял кобылу за хвост, тряхнул ее, тело отлетело, а шкуру опять повесил

на ветку. Свистнул, кликнул третьего коня-воронка. Прискакал златогривый конь. Седун залез в одно ухо, мылся-парился, в другом обулся-оделся и таким молодцом стал, красивым, сильным, разумным. И рассказал коню, что ему надо поймать кобылицу. Конь и говорит ему человеческим голосом:

— Но знай, добрый молодец, нелегко нам поймать кобылицу. Должен ты взять с собой сито, полное тонких иголок, и бочонок смолы, да еще прихвати конские шкуры и только тогда отправляйся в путь-дорогу к зеленому дубу. Там на лугу пасется моя сестрица-кобылица с жеребятами. Спрячься за деревом и покрой меня конскими шкурами, а шкуры облей пахучей смолой, а потом на них высыпь все иголки из сита. Как сделаешь это, залезай на корявое дерево и глаз не своди с кобылицы. Начнет она меня бить, но об иголки уколется.

И, как заметишь ты, что умаялась кобылица, опустилась на колени, прыгай на землю, надевай ей золотую уздечку. Тогда станет покорной моя златогривая сестрица, она за тобой пойдет, куда прикажешь, а следом побегут жеребята.

Седун взял все, что велел ему конь, и отправился в путь. Свояков, конечно, на половине дороги перегнал и полетел дальше.

Ехал, ехал, доскакал до лужка, где стоял зеленый дуб. Подъехал Седун к дубу, смотрит, кобылица и впрямь пасется у речки. Седун покрыл коня-скакуна шкурой клячи, облил смолой и иголками осыпал. Потом то же сделал с другой и третьей шкурами. А сам забрался на высокий дуб.

А кобылица увидела вороного коня, кинулась да как укусит! Если б не шкуры, смола и иголки, тут бы и смерть ему.

Воронкой лягается, бьет кобылицу по бокам, а у кобылицы в тридцать сажень теперь рот полон смолы, иголок

и шкуры и укусить больше не может. Потом как-то ухитрилась и второй раз укусила, вторая шкура попала ей в рот со смолой и с иголками. В третий раз укусила вороного и опять иголки и смола попали в рот. А вороной только лягает кобылицу. Лягал, лягал, и пала она на колени.

Седун спрыгнул с дуба и взвиздал злую кобылицу. Она покорилась, а жеребята сами побежали за матерью.

Встретили зятя Седуна и принялись просить его:

— Продай нам кобылицу!

— А что вы дадите?— спросил Седун.

Свойки не знают, ничего не могут придумать. Они его не узнают. Думает Седун: «Пальцев с ног нет, кожи на спине нет, что же и взять с вас? Головы с вас не снимешь. Ведь без голов или без рук домой не вернетесь». А за деньги кобылицу не продал. Зятя тут и остались стоять, а Седун поскакал к царю. Издалека заметили его возвращение, ведь у него целый табун жеребят! Пыль облаком идет за ним следом. Отовсюду сбежались люди, открыли конюшню, чтоб помочь зятям загнать коней. Они ведь не думают, и никто не думает, что это Седун их привел.

Царь радуется.

— Лань привели, свинью привели, вот и кобылу в тридцать сажень пригнали мои зятя.

А про Седуна царь и не вспоминает, не считает за зятя.

— Ничего, он принесет еще ворон штук сорок,— смеются гости.

Ну, вышли царь с царицей встречать зятьев и остановились у конюшен. И Марпида-царевна выбежала тоже, приоткрыла свой хлев. Дверь-то была у нее на деревянной петле, скрипела. А кони идут, да не в конюшню, а в хлев Седуна. Люди удивляются и ахают, молодца не знают, думают, кто-то незнакомый. А он зашел в хлев,

велел Марпиде-царевне затопить баню и позвать туда отца.

Ахнула царевна, удивилась, но затопила баню и сказала отцу, дескать, приглашает тебя Седун в баню. А тот отвечает:

— Не буду я мыться с Седуном, довольно, он уже и так опозорил нас.

А Седун пошел в баню, повесил у порога пальцы и кожу со спины у свояков и стал мыться. Царь сидел, сидел и решил со скуки поглядеть на Седуна, да и узнать, не отдаст ли кобылы в 30 сажень. Конечно, не он, Седун, ее поймал. Пошел царь в баню. Только дверь открыл, ударили его по лбу пальцы и кожа.

— Это что ты тут устроил?— спрашивает царь.

— А это,— отвечает Седун,— златорогая лань, а это свинка Золотая щетинка,— и шлепнул кожами.— Это ремни из спины у твоих зятьев.

Царь скорей обратно домой. А зятья только вернулись. Велел царь им снимать сапоги. Нечего делать, зятья разулись, а большого пальца ни у того, ни у другого нет.

— А ну-ка,— говорит царь,— снимите и рубашки.

Заставил снять. А людей тут! Смеху! Люди хохочут кругом. А зятья, понуриив головы, стоят,— стыдно им.

Рассердился царь.

— Я,— говорит,— вам и хлеба не дам, убирайтесь в свое царство.

Потом выгнал их вместе с женами, чтоб духу их не было.

А сам отправился в баню. Там Седун стоит перед царем красивый и сильный. И зажил Седун с царевной весело и дружно.

ОХОТНИК И ЧУКЛЯ

Жил когда-то в деревне молодой охотник. Вот ушел он однажды на лесные угодья бить пушного зверя, дичь ловить.

Поселился охотник в самой чаще леса, в лесной баньке. Поставил силки на коротких и длинных тропах. Принялся ловить белок и рябчиков, тетеревов и глухарей. Только сначала не везло охотнику.

Вот однажды идет он утром по звериным тропам, вдруг видит, под лесной рябиной белобородый старик сидит. Рубашка на нем красная, что рябина осенью, сам жалобно стонет, ногу ушиб.

Привел охотник старика в свою баньку. Кормил его, поил, травами ногу лечил. Три дня прошло, и выздоровел старик, собрался уходить и сказал на прощанье:

— Ты мне помог, я тебе помогу! Теперь у тебя всегда будет удачная охота. Однако помни, не желай получить больше, чем ты получишь, а коли придет беда, ты меня позови на подмогу.

Так сказал и ушел.

И правда, хороший лов пошел! Добывает охотник много тетеревов и глухарей, много рябчиков и белок. Много добывает, а ему еще больше хочется.

Вот однажды вернулся охотник в баньку. Устал он до смерти, а надо воды натаскать, дров наколоть, ужин приготовить.

Принес охотник воды, стал дрова колоть.

Сам колет, сам приговаривает:

— Был бы у меня помощник — сколько бы добыли тогда мы зверя и дичи...

Положил охотник топор и закричал:

— Эй, кто есть в лесу, отзовись, будь моим помощником...

Только эхо по лесу раскатилось.

— Был бы у меня помощник, сколько б тогда мы добыли зверя и дичи! — говорит охотник снова.

Принялся охотник снова дрова колоть. Колет и все помощника зовет. А никто не откликается. И закричал парень:

— Хоть Чукля из Яга¹ ко мне приди. Вдвоем мы разбогатеем.

Опять никто не отозвался.

Наколот дров охотник, сварил ужин, уселся за стол. Да не успел за ложку взяться, прохожий в окно постучался и говорит:

— Эй, хозяин, пусти меня переночевать! Я в лесу заблудился.

¹ Чукля из Яга — леший из бора.

Охотник дверь распахнул, за стол гостя усадил; стал потчевать горячей похлебкой.

Глядит, его гость одет в кафтан из зеленой листвы, сапоги на нем — из свежего мха. После прохожий, поговорил с охотником о том и сем и стал просить:

— Возьми меня в помощники. Я буду с тобой на охоту ходить, дичь ловить и пушного зверя бить.

Охотник был доволен, соскучился в лесу без товарища.

До утра оба крепко проспали, на рассвете поели каши и отправились на лов по тропам, силки ставить. А потом пошли снова силки проверять.

Много добычи оказалось в силках у охотника. Но до чего удивился он, когда увидел улов помощника: охотнику много попалось, а помощнику — вдвое больше.

Так сутки пролетели, неделя пробежала. Каждый день ходят на лов охотник и его помощник. Каждый день много добычи в силках охотника, а у его помощника вдвое больше.

В чем дело? Думал, думал охотник и надумал:

«Дай-ка пошлю я своего помощника промышлять на самые худшие тропы».

Так он и сделал. Но помощник на той тропе, где охотник трех рябчиков добывал, добыл три сотни.

Догадался охотник, что помощник его не простой человек, а сам Чукля из Яга — хозяин лесной. Пришел он по его зову под видом мужика, теперь добром от него не отвяжется.

И охотник решил убежать в свою деревню. Велел он помощнику самые длинные тропы обойти, а сам взял краюшку хлеба и айда домой.

Бежал, бежал, далеко убежал охотник. На закате утомился и присел на пенек поесть. Глядь, идет Чукля.

Закричал Чукля:

— Убежать ты от меня убежал, да только не сумел,

и за это, едва солнышко зайдет, я с тобой расправлюсь.

Сел Чукля на пенек, руки скрестил, на солнышко глядит, оно вот-вот закатится.

Испугался охотник, стал звать того деда, который обещал помочь в беде:

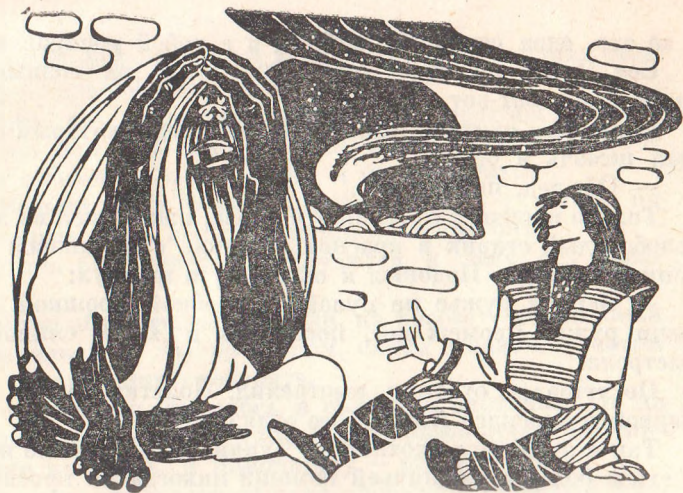
— Ой, дед, помоги мне.

Только произнес охотник эти слова, как вышел из леса белобородый старик в красной рубашке с рябиновой дубинкой в руках. Подошел к охотнику и шеннул:

— Заряди ружье не пулей, а хлебной крошкой. Заложь ружье промеж ног, повернись к Чукле спиной и выстрели!

Послушался охотник, выстрелил. Полетел Чукля кувырк и бросился бежать без оглядки.

Так и отвязался охотник от Чукли. Ругал себя за жадность и больше уж ничьей помощи никогда не просил.

ХЛЕБ И ОГОНЬ

Жили-были когда-то давно зверолов и его три сына. Однажды они отправились охотиться в лес на белок и рябчиков.

Поселились в лесной избушке, в чаще.

Живут они так десять дней, живут месяц, три месяца живут. С каждым днем все больше белок и рябчиков добывают.

Кончился у звероловов хлеб. На очаге погас огонь. Негде дичь поджарить, погреться негде, от холода и сон не в сон.

Говорит отец:

— Уходить домой обидно. У нас здесь охота удачная.

Давайте жребий метать, кто из вас добудет хлеб и огонь.

Выпал жребий идти старшему, но младший сын решил сначала поглядеть, не светится ли где огонек. Забрался он на высокую ель и увидел, — вдалеке огонь, будто волчий глаз, горит. Парень слез с дерева и указал отцу и братьям, в какую сторону надо идти.

Отец сказал:

— Мой старший сын скорее всех вернется с огнем и хлебом.

Старший сын взял ружье и отправился в путь на огонек. Под вечер он добрался до лесной избушки. Вошел парень в избу, а изба-то пустая. На очаге огонь еле-еле теплится, а над углями висит закопченный котелок. Подбросил парень дров, чтобы жарче огонь развести.

Ярким пламенем занялись дрова. Но тут неведомо кто громким голосом закричал. Со страха парень на пол повалился. А когда поднялся, еще пуще испугался: видит, стоит перед ним старик; ростом до потолка, волосы на голове седые, борода зеленая, руки, как древесные корни. Говорит старик зверолову:

— Садись, да рассказывай, кто ты таков, откуда пришел и почему без спроса трогаешь чужой огонь.

Нечего делать, рассказал зверолов, кто он и почему пришел сюда за хлебом и огнем.

Старик был Лешим, и он сказал зверолову:

— Коли расскажешь небылицу, я тебе дам огня и хлеба, а коли ошибешься да правду молвишь — я вырежу ремень из твоей спины.

Принялся зверолов небылицу сказывать. Сказывал, сказывал, да ошибся, вместо небывалого рассказал о таком, что на самом деле бывает. Рассердился Леший, схватил зверолова и вырезал из его спины ремень шириной в ладонь.

Еле вырвался зверолов из цепких рук Лешего. Как вырвался, побежал без оглядки. Явился он к отцу и

братьям, рассказал, что Леший едва его не съел за то, что он хотел тайком взять огонь и хлеб. Скрыл старший брат, как он небылицу не сумел рассказать и как Леший вырезал у него ремень. Уж очень стыдно было парню, что он так оплошал.

Послал отец второго сына за огнем и хлебом, приказал ему:

— Не бери тайком, попроси учтиво!

Вот пошел второй брат. И не сумел рассказать небылицы, Леший отрезал ему за это палец.

Еле вырвался средний брат. Сам не помнил, как домой добрался. Поведал своим, что не смог он Лешему небылицу рассказать, только скрыл, что тот ему палец отрезал.

Засмеялся младший и говорит братьям:

— Эх вы, не могли у Лешего огня и хлеба добыть.

— А ты сам попробуй, сходи к Лешему, и тебе достанется,— отвечают братья.

Младший говорит:

— Без огня и хлеба не проживешь, пойду добывать огонь и хлеб.

Взял парень ружье, заткнул за пояс топор, отправился в путь и вскоре очутился в лесной избушке, а там перед огнем лежит Леший. В одном углу — голова, в другом — ноги.

Поклонился Лешему младший брат и говорит учтиво:

— Пусти меня переночевать.

— Что ж,— отвечает Леший,— лезь на печку да рассказывай мне небылицы. Угодишь — я тебя награжу, а коли быль расскажешь вместо небылицы — все волосы на твоей голове вырву.

Согласился младший брат, только предупредил Лешего, чтобы тот его не прерывал.

— А если прервешь меня, я сам тебе клок волос вырву.

Так и договорились. Залез младший брат на печку, принялся сказывать небылицу:

— Когда-то давным-давно один сапожник три года на небо летел и, наконец, забрался за облака на синие поля, а там все люди босые, вверх ногами ходят, говорят:

— Если были бы мы обуты в крылатые сапоги, то с облака на облако перескакивали, не ходили бы вниз головой.

Пожалел человек небесных жителей. Принялся им шить крылатые сапоги, а вместо щетины — взял седые волосы, что у Лешего вырывал.

Услышал Леший про седые волосы, схватился за голову, закричал:

— Нельзя седые волосы рвать!

— Можно! — отвечал зверолов и вырвал у Лешего клочок волос.

— Больше, — говорит, — не прерывай меня.

Замолчал Леший, а младший брат продолжал небылицу сказывать:

— Однажды небесный житель в крылатых сапогах из облака веревку сплел, спрыгнул на землю и начал той веревкой домовых ловить. Всех до одного переловил, принялся ловить водяных, а водяные сами идут сюда. Ой, ой, они и, правда, идут сюда!

Испугался Леший. Он с водяными всю жизнь воевал, кинулся к двери, а там нет никого. Говорит парню:

— Зачем обманываешь? Нет водяных в помине.

— А ты сам велел обманывать! — отвечает зверолов, вырвал у Лешего клочок волос по уговору и пригрозил:

— Еще словечко вымолвишь, еще клочок выдеру!

Притих Леший, сел, слушает дальше:

— Пошел я однажды на охоту. Заблудился. Замерзнуть стал. Вдруг встретил медведя. Говорит мне медведь человеческим голосом: «Не стреляй в меня, человек! Сделаю все, что ты прикажешь!» Велел я медведю разло-

жить костер, а медведь говорит: «Нет у меня ни кремня, ни огнива, не могу я высечь огонь. Садись на меня верхом, я отнесу тебя туда, где огонь горит». Сел я верхом на медведя. Взвился медведь, полетел над лесами и реками, над горами и озерами. Опустился медведь у твоей избы и говорит: «Здесь тебе дадут огонь и хлеб». Вот я и пришел к тебе, а ты не даешь мне ни огня, ни хлеба.

И закричал вдруг младший брат:

— Эй, Мишка-медведь, иди сюда, разорви злого Лешего!

Леший в ноги парню повалился:

— Что хочешь бери, не зови медведя!

А младший брат отвечает:

— Мне нужно то, зачем я пришел!

Леший дал младшему брату ружье, что бьет без промаха, сумку с охотничьими припасами, что никогда не истощается, дал три мешка, полные хлеба, и огненный камень с железкой.

— Ты станешь железкой по этому камню бить,— сказал Леший,— и у тебя будет жаркий огонь.

— Мне этого мало,— отвечает парень.— Ты обидел моих братьев, надо эту обиду смыть.

Заплакал Леший, сознался, что он вырезал ремень у одного брата, оторвал палец у другого. Дал он парню ремень и палец, дал волшебное зелье и говорит:

— Многим людям, что приходили ко мне за огнем, рвал я пальцы, вырезал ремни, но такой, как ты, еще не приходил.

Поблагодарил парень Лешего, вернулся к отцу и братьям.

Начал младший рассказывать, как он Лешего обманул, братья рты разинули, но отец говорит:

— Видно и тебе, сынок, от Лешего досталось. И ты огня не принес.

Достал младший брат огненный камень, ударил по нему железкой, и засиял огонь, запылали дрова в печке.

— А теперь,— говорит младший старшим братьям,— сознайтесь, что вы у Лешего потеряли.

Те рассказали, как дело было. Младший брат смазал старшему брату спину, а среднему ногу волшебным зельем и вылечил их.

Узнал отец, как старшие сыновья оплошали, и горько ему стало.

Пожили в лесу они еще немного и вернулись домой, продали белок и рябчиков, выручили много денег.

Потом отец умер. А перед смертью собрал он своих сыновей и сказал:

— Вам, старшие, без меня хозяйство вести. А тебе, младший сын, оставляю свое охотничье счастье.

У старших сыновей работа не ладилась, и они вскоре разорились. А младший все время охотился в отцовских угодьях и стал таким искусным звероловом, что слава о нем разнеслась далеко-далеко.

ГОСПОДИН ИВАН САРАПАНЧИКОВ

Однажды под окошко пришла женщина с пятью ребятами и жалобно попросила:

— Ой, хозяйюшка, пожалей моих детей, дай мне хлебушка...

Пожалела хозяйка и мать, и детей, отдала последний каравай.

Женщина и говорит:

— За это у твоего сына будет счастливая доля, он на царевне женится.

Засмеялась хозяйка:

— Какая там царевна! Мой сын Иван первый лентяй, за него и дочь пастуха не пойдет. Шестнадцатый год парню, а он день-деньской на печи лежит.

Но прохоя на своем стоит:

— Твой сын пахать начнет, свое счастье найдет.

Ушла женщина и детей увела... День был знойный, комары и оводы тучами летали, но Иван вдруг собрался на пашню. Мать принялась его уговаривать:

— Не ходи. Станут оводы жалить лошадь, а она тебя уььет.

Иван не послушался. Запряг клячу, ушел на пашню. А там и, правда, оводы принялись жалить лошадь.

Схватил шапку, начал прогонять комаров да оводов.

Махнул шапкой, смотрит — очень много убил.

Он давай их считать. 75 оводов насчитал, а мошкарку и комаров считать не стал. Уйма их. Подумал Иван:

«Что же это, столько душ могу одним махом убит, а мне пахать приходится. Нет, не стану пахать. Я не простой человек, а богатырь».

Иван распряг лошадь, толкнул ее кулаком в бок и буркнул:

— Ты не рабочая кобыла, ты богатырский конь.

Кобыла-то чуть с ног не валится, такая худая, еле жива, да что ему, глупому! Оставил лошадь в поле, сам вернулся домой.

— Ну, матушка, я, оказывается, сильный, могучий богатырь.

— Молчи, дурак! — отвечает мать, — что тебе еще взбрело в голову, какой ты могучий, если дров наколоть не можешь.

— Зря, матушка, — говорит Иван, — такую речь ведешь. Я одним махом 75 богатырей убил, а мелких и считать не стал. Давай скорее свой сарафан, я сегодня же отправлюсь в путь.

— Типун тебе на язык! — кричит мать. — Сарафаны понадобились! Ты не баба, не сарафаны тебе носить.

— Давай, давай снимай быстрее. Я из него шатер сделаю, — пристал Иван.

Добился все-таки своего. Отнял у матери сарафан, где-то разыскал старую отцовскую косу, сделал ножны и косу туда вложил. Получилось как сабля на боку.

— Ты, может, и лошадь возьмешь?— испугалась мать.

— А как же!— говорит Иван.— Богатыри без коней не ездят. Кобыла наша не простая, а богатырский конь.

Мать пробовала удержать сына, да как удержишь? Иван уже сильнее матери. Взнуздав кобылу, сел верхом и поехал куда глаза глядят...

Ехал, ехал Иван и добрался до развилки трех дорог. Там на ветру качается сосна. Иван обтесал сосну сбоку, поскоблил и вырезал надпись:

«Этой дорогой проехал господин Иван Сарапанчиков. Могучий богатырь. Одним махом он убил 75 витязей, а мелких без числа положил. Хотите — догоняйте, не хотите — оставайтесь!»

Отдохнул Иван и потом поскакал по дороге дальше.

К старой сосне подъехали три богатыря — Белуня-богатырь, Горыня-богатырь и Сам Самплеменник. Возвращались богатыри домой после долгого странствования. У развилки дорог сели отдохнуть. Вдруг видят надпись.

Прочитали и посмотрели богатыри друг на друга. Сам Самплеменник, как старший среди них, стал спрашивать:

— Ты, Белуня-богатырь, знал такого богатыря?

— Нет,— говорит Белуня-богатырь.

— Нет,— говорит Горыня-богатырь.

— И я нет,— говорит Сам Самплеменник.

Потом опять спрашивает Сам Самплеменник:

— А ты, Белуня-богатырь, можешь ли столько витязей одним махом уложить?

— Нет,— отвечает Белуня-богатырь.

— Нет,— отвечает Горыня-богатырь.

— И я нет,— признался Сам Самплеменник.— Вы лучше скажите, что нам делать, если мы встретимся с этим проезжим.

Умирать никому неохота, никому смерть не мила. Сам Самплеменник и говорит:

— Нам надо познакомиться с проезжим и, если согласится, взять его за старшего брата, подчиниться ему. Нам придется догнать его, чтоб потом худа не было.

Богатыри вскочили на коней и помчались в погоню за Иваном Сарапанчиковым.

А Иван все вперед да вперед плетется на кобыле. Старая коса на боку, на седле висит сарафан. Лошадь-то худая, далеко он и не отъехал, конечно. Вдруг сзади слышался конский топот — это богатыри летят.

«Что такое, что за шум?» — думает Иван и, обернувшись, шевельнул пальцем.

Богатыри тогда как раз показались из-за леса.

— Вот, вот, — говорят друг другу, — вот он, да не грозит ли он нам? Что это он шевельнул пальцем? Как бы это подойти, чтоб сразу не кинулся?

Иван не остановился даже, все вперед едет. Сам Самплеменник расхрабрился, догнал Ивана, спрашивает тихим голосом:

— Ты ли это будешь господин богатырь Иван Сарапанчиков?

— А хоть бы и я! — сердито отвечал Иван. — Тебе-то что?

У глупого человека такой уж и разговор.

— С добром вы или со злом?

— Ты господин Иван Сарапанчиков? — опять спрашивает Сам Самплеменник. — Если это ты, мы вот пришли с тобой договориться, будь у нас за старшего, и нам, и тебе будет хорошо, хоть в огонь, хоть в воду пойдем за тобой.

— Ладно! — отвечает Иван. — Ну что ж, будете моими младшими братьями. А теперь ступайте за мной.

Сам Самплеменник все поведал богатырям:

— Уф, силен же он, — говорит. — Я вспотел от такого

разговора. Ах, какой сердитый! Видно, и, правда, могучий он, коли так с нами разговаривает! Ведь если посмотреть, так простой человек, худенький, а одежда — стыдно сказать, лохмотья одни. Но норов у него грозный. Ладно. Хоть познакомились, теперь еще поживем! Да!

Вот поскакали три богатыря следом за Иваном и добрались до рубежа Десятицарства. Иван и говорит:

— Ну, богатыри, если назвали вы моими братьями, я так вас и буду звать. Здесь стоянку устроим. Я давно не отдыхал, а тут отдохну. Я, как лягу, трое суток сплю без просыпу, и вы меня не беспокойте.

Иван повесил сарафан на колья, устроил себе полог не полог, шатер не шатер и зашел туда. Богатыри только посмотрели друг на друга. Они-то тоже целые сутки обычно отдыхают, но Иван все-таки догадался сказать, что трое суток спит.

Говорят богатыри между собой: Иван — вот богатырь, у него богатырский сон. А на взгляд как простой человек!

Дивятся богатыри, а Ивану что, он человек с ленцой, трое суток ему еще немного, он лежал бы хоть и дольше, если бы есть не хотелось.

Богатыри тоже свои шатры разбили, коней пустили кормиться, готовятся лечь спать. А они люди бывалые, знают, где остановились. Стали толковать.

— Как же так? Мы ведь к Десятицарству приехали, здесь царь злой, если безоружные ляжем, он пошлет войска и нас сонных изрубят. Как же так, у старшего брата не спросили, а, не спросившись его, тоже нельзя часовых ставить. Давай ты, — говорят Сам Самплеменнику, — старший среди нас, сходи и спроси у Ивана, как быть.

Сам Самплеменнику не хотелось идти, Ивана не хотел беспокоить. Но все же тихонько спросил его:

— Господин Сарапанчиков, господин Сарапанчиков, мы ведь у Десятицарства остановились и без часовых не смеем лечь, как и что прикажешь?

— А я часовым для вас стоять не буду,— крикнул Иван из-под сарафана.— Сами три брата стойте посменно!

Сам Самплеменник поскорей назад подался, говорит:

— Ух и сердитый, самим велел стоять посменно.

Вот пролетели сутки, вторые промчались.

А граница-то пустой не остается, охраняют ее. И царь Деятицарства узнал, что на рубеже стоят богатыри. Царь собрал войска без числа, послал на границу.

А Иван все еще спит, еще не выходил из своего шатра. Часовым оказался Белуня-богатырь, раза два он заглядывал в шатер, а будить не смеет Ивана, обратно уходит. Посоветовались братья и послали они к Ивану Сам Самплеменника.

Говорит Сам Самплеменник Ивану:

— Коль такой случай, пришлось тебя побеспокоить, разбудить, ничего не поделаешь, видишь ведь, сколько войска идет. А ты, господин Сарапанчиков, нашим большим братом считаешься, против нас идут войска без числа. Что прикажешь делать?

Проснулся Иван, закричал:

— Я против такого войска не буду выходить. Из-за пустяков незачем меня беспокоить. Идите и сами бейтесь. Одного врага в живых оставьте, чтобы он своим поведал, как вы с его войском расправились.

Сам Самплеменник и говорит богатырям:

— Ах ты, ах ты, ну и силен же, видно, против такого войска, я, говорит, не выйду, незачем, мол, было беспокоить меня из-за пустяков. Как быть, братья, справимся ли мы одни?

Ну, тут справишься или нет, а сражаться надо, Иван приказал. Богатыри вскочили на коней, все войско изрубил, скосила, как вот сено косят. Одного врага оставили в живых. Сам Самплеменник велел ему идти к царю.

— Ты Расскажи царю, что видел, да не забудь поведать, что наш старший брат не выходил на поле. Против

него, говорят, никакая сила не устоит. И пусть царь людей не губит, против нас не идет, а если добра хочет, пусть встречает нас хлебом-солью.

Сам Самплеменник отпустил посла, и тот побежал к царю-владыке.

А владыка Десятицарства, как только узнал о гибели войска, разъярился, рассердился. У него был Полкан-Полубес, телохранитель и опора всего Десятицарства. Не простой был с виду Полкан — до половины лошадь, а другая половина как у человека. Сам длиной в 30 сажень. На земле и на целом свете еще не было противника равного Полкану. Царь приказал ему прогнать богатырей.

— Бух, бух! Зим! Зим! — земля дрожит, Полкан ступает. Хвостом машет, может, за сто верст слышно.

Услышали этот гул и шум богатыри. Они-то, люди бывалые, грамотные, знали, что в Десятицарстве есть Полкан-Полубес, непобедимое чудище. Услышали они Полканову поступь и устрашились. Сам Самплеменник кинулся к Ивану.

— Господин Сарапанчиков, господин Сарапанчиков, Полкан-Полубес, видно, идет. Никто с ним не может бороться, в писании и то о нем говорится. Что будем делать, не выйдешь ли сам?

Тяжело вздохнул Иван.

— Да, — говорит, — придется, видно, выйти мне.

— А что прикажешь нам, — спрашивает Сам Самплеменник, — он ведь очень силен, помощь не лишней будет. Не возьмешь ли нас с собой, может, пригодимся?

— Нет, не надо, — говорит Иван, — вы только мешать будете, вас незачем брать, я один пойду.

Сам Самплеменник пришел к богатырям, удивляется:

— А не взял нас, вы, мол, только мешать будете, один справлюсь.

Богатыри тоже ахают, удивляются, ну и сила, мол!

А Иван вылез из-под сарафана.

«Ох, ох, ох, правду мать говорила, не умел жить, вот и конец. Хорошо, если бы дома я теперь сидел, а то здесь умереть придется. Зря не послушался матушки. Глупым она меня называла, глупый и есть».

Не хочется Ивану умирать, но делать нечего, слово дано богатырям, придется выйти против Полкана.

Иван поймал кобылу, сел верхом и поскакал навстречу Полкану-Полубесу. Подальше отъехал, чтоб не срамится. Пусть богатыри не видят, как его убьют. Едет Иван и сам себя жалеет, свою молодую жизнь оплакивает.

Вот тут Полкан-Полубес показался, одна голова высотой в девять сажений,— страшное чудище.

Иван увидел и чуть с лошади не свалился, так испугался. Понял: теперь и убежать не успеет, да и бежать некуда. Уже близко Полкан. И вот, чтоб не видеть свою смерть, Иван глаза и лицо завязал матушкиным сарафаном.

Заметил это Полкан.

— Ох,— говорит,— тридцать лет я не выходил на битву, законы войны изменились, видно.

Взял свой шатер и завязал им глаза.

А день был солнечный, светло. Ивану сквозь дырявый сарафан все видно. Полкан же ничего не видит, шатер его хороший, плотный. Вот и встретились оба. Полкан, как слепой, а Иван зрячий. Махнул Иван косою, и как-то удачно получилось, главную жилу перерезал Полкану-Полубесу. Полкан упал, а Иван, не будь дурак, скорей в сторону, подальше. Издали стал смотреть. Видит, Полкану конец приходит, бьется Полубес на траве, страшно смотреть. Сам бьется, всю землю взрыл, сосны, что стояли толщиной в башню, с корнями вырывает, ломает. Не зря говорили богатыри, что сильнее Полкана нет никого на свете, в писании, мол, так сказано.

Все Полкан разбил-раскрошил, щепок не оставил.

Бился, бился из последних сил, потом и совсем замер.

Иван пошел к богатырям, говорит им:

— Ну, братцы, ступайте смотреть, если хотите. Вот там, у лесной опушки, лежит Полубес, я прикончил его.

Богатыри не пошли — побежали.

— Да,— говорят,— ни щепки не осталось. Вот это война, вот это сражение! Теперь уж придется поверить Ивановой мощи, вот кого он убил! Хорошо, что мы не ошиблись, вовремя подчинились. Да, теперь сильнее его никого на свете не осталось.

— Ну,— спрашивает Иван,— посмотрели?

— Да,— говорят богатыри,— сколько лет ездим, сражаемся, а такой битвы еще не видели. Век будем помнить.

Время летит, пришла пора дальше ехать.

— Ну, братья, идите ко мне,— зовет Иван богатырей,— садитесь.

Богатыри пришли, тихонько сели. Уважают Ивана.

— Вот я дам вам приказ. Идите к царице Десятицарского государства и скажите ей, что я надумал. Вы знаете, что я надумал?

— Не знаем,— тихо отвечают богатыри.

— А вот что я надумал,— говорит Иван,— вы идите и скажите, чтоб царица готовилась выйти за меня замуж, женой мне будет. Если не пойдет, все царство ее сожгу и пущу по ветру, а самое ее убью. Если пойдет за меня замуж, будем царствовать вдвоем. А теперь ступайте.

Ну, братьям надо идти, раз старший брат посылает.

Пришли в город, где живет царица.

А царица уже знала, что Полкана убили, приняла сватов-богатырей, накормила-напоила.

Говорит Сам Самплеменник:

— Старший наш брат, господин Иван Сарапанчиков не сегодня — завтра придет свататься и просит передать

тебе: если, мол, не пойдешь за него, он все царство перевернет, а если пойдешь, царствовать вместе будете. Что скажешь теперь — скажи, а мы подождем, нам сутки сроку дано.

Царице стало очень плохо, когда еще добавили богатыри, что Иван, мол, неопрятен, и некрасив. Так, мол, с виду он худенький, как простой человек. Царице не хочется за Ивана выйти.

Думала, думала царица, полсуеток думала. Ну, потом и говорит богатырям.

— Придется готовиться, не хотелось, но придется согласиться, чтоб Иван не опустошил царства.

— Ну, коль соглашаетесь, — отвечают богатыри, — надо одежду жениху приготовить, ведь ничего у него нет.

У царицы-то, конечно, все есть, вызвали портных и те принялись шить кафтаны да рубахи.

Богатыри обратно ускакали, а в городе готовятся встречать Ивана. Знамена вывесили, песни играют. Звонко встречают жениха, колокола так и звонят. У царского дворца караул поставлен.

Как только Иван Сарапанчиков показался, «на караул!» крикнули. Людям-то смешно: у Ивана лошадь худая, да и сам такой же, но смеяться нельзя, все боятся смеяться над тем, кто убил Полкана-Полубеса. Тут судьи, воеводы — все начальство вышло, — одежду притащили.

— Если годится, господин Сарапанчиков, одевай и носи, — говорят.

А выглажено, складки не увидишь, только блестит парча. Не обиделся человек, взял. Привели Ивана во дворец. Царица Девятицарства не солеными грибами угощала, не таким, как наш, чаем поила. Заморские вина, меды, брага там были. Дня через три назначили венчанье. Со всей заграницы, из иностранных царств-государств гостей пригласили, всех князей, царей.

Иван оделся и как настоящий человек стал, с золотыми часами, с царскими знаками, всякое навесил на себя, что дали. Не хуже князя на вид. Ну, тут такой великий пир устроили, цены на товары сбавили — что кому нужно, то и бери.

И угощали простой народ по Иванову приказу — все на пиру ели до отвала, и еще осталось.

Месяца два шел пир. Потом, как закончился пир, Иван вызвал к себе богатырей.

— Вот,— говорит,— братья, если вы хотите жить у меня и служить хорошо, я вас награжу, главнокомандующими назначу, если не хотите здесь жить, идите, куда хотите, я не держу вас, у вас своя воля. Что желаете — воеводами быть или на воле ходить?

Спросил и для ответа дал сутки сроку. Они думали, думали, потом Сам Самплеменник и говорит:

— Уж больно Иван сердитый, я решил уйти отсюда. Останешься здесь — все время придется его бояться да ему угождать. Не настоящий он богатырь. Настоящий — добрый и справедливый.

— Я тоже решил,— говорит Белуня.— Я желаю идти на вольную волю.

И третий богатырь говорит:

— Я тоже уйду.

Потом все вместе отправились к Ивану.

— Вот,— говорят,— старший брат, если тебе не во вред, отпусти нас, мы на волю пойдем.

И как ни уговаривал Иван богатырей, ушли они от него.

ПОРТНОЙ И ОМЭЛИ

У Фомы денег сроду не водилось, и за это жена его дни и ночи бранила. Жена была сердитая и хитрая. Надоело Фоме ворчанье да ругань. Он однажды и говорит жене:

— Откуда мне денег взять. Я простой портной. Не болотный же омель¹ мне золота пошлет.

А омэль тут как тут, вылез из трясины и слушает речи Фомы. Как пошел портной мимо болота, рогатый омэль выбежал к нему навстречу и говорит:

— Если до солнцеворота ты обещаешь обшить-одеть все наше племя, я тебе открою, где золото лежит.

¹ Омэль (коми) — бес.

Фоме нечего делать, пообещал. Омэль сказал ему, что на берегу озера, под девятой кочкой лежит сундук, набитый червонцами. Бери лопату да откапывай.

Фома пошел на берег, принялся копать и достал из земли сундук полнешенек золота.

Хорошо зажил портной. Жена и браниться перестала.

Но солнцеворот близко. И затужил портной: ведь бегов-то много. Целые годы придется шить.

Жена спрашивает Фому:

— Отчего ты такой невеселый?

Муж и рассказал ей все без утайки.

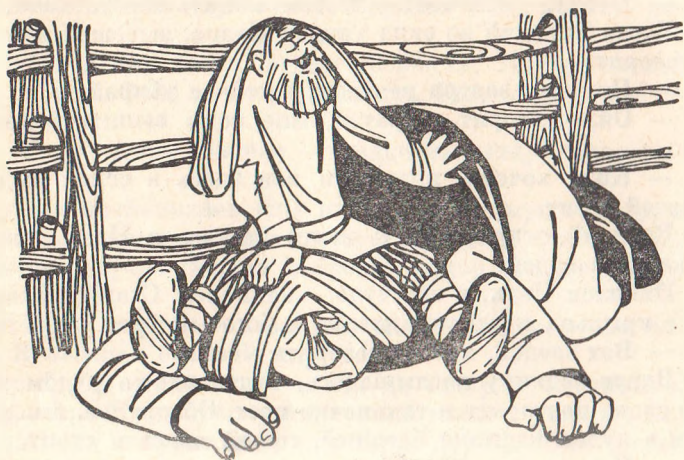
А жена недаром была хитроумной. Взяла круг белого холста, круг черного сукна и пошли с мужем к омэлям на болото. Добрались до большого дома, где на крыше змеи шинят, из трубы пламень пышет. Жена и Фома зашли в дом. Омэли заставляют их кроить и шить.

А женщина и говорит:

— Ладно... Только это сукно, пока мы к вам добрались, запачкалось. Если сможете отмыть его, чтоб оно стало, как белый холст, тогда мы у вас останемся, а если не сумеете, уйдем обратно.

Согласились омэли. Побежали на прорубь, принялись стирать черное сукно. Мыли, мыли, но никак не могут отмыть. Не белеет сукно — и все.

А Фома с женой домой воротились, от омэлей избавились. Омэли по горло заняты. Все еще черное сукно добела стараются выстирать.

КАК ИВАН НУЖДУ ЗАКОПАЛ

Жили-были два брата Василий да Иван. Василий хитрый, жадный, разбогател так, что денег ему девать некуда, а младший Иван с каждым днем беднел.

Вот однажды на свои именины богач Василий устроил пир, много гостей созвал, а Ивана не пригласил. Сели гости за стол, пьют и едят. У богатого брата на столе всякое угощение: огурцы и пряники, яблоки и ланша, творог с яйцом и каша со сметаной, котелок стоит с топленым маслом и пшеничные блины горой лежат.

Обидно стало Ивану. Он говорит жене:

— Как хочешь, а я к Василию пойду!

Хозяйка отговаривает Ивана. Не стбит, дескать.

Но хозяин на своем стоит.

— Пойду,— отвечает.— Очень попить-поесть хочется. Богач Василий из окна увидел Ивана, выбежал в сени и говорит:

— Приходи завтра вечером, а сейчас убирайся.

— Ой,— говорит,— братец, мне воды выпить захотелось.

— Коли хочешь пить, так вон здесь в сенях кадка с водой стоит.

Василий отправился к своим гостям, а Иван пошел к кадке с водой.

Напился Иван, и вот чудо — захмелел. Стал спускаться с крыльца и закрыл дверь. А богатый брат ругается:

— Вот злодей, хочет опозорить меня!

Вдруг бедняку послышалось, будто кто-то рядом все его слова повторяет и тихонечко поет. Обернулся, а перед ним в худом кафтане бледный, тощий человек стоит.

— Кто ты такой?

А тощий:

— Я твоя Нужда.

— Ну, коли ты моя Нужда, идем отсюда,— говорит Иван. Зашли они в Иванову избу. Бедняк сказал жене:

— Хозяйка, мы вдвоем пришли, накорми нас чем-нибудь.

Хозяйка принесла им щей, каши,— все, что было.

— Ну, хозяйка, постели нам что-нибудь. Мы ляжем.

Хозяйка постелила постель, одежду под голову положила. Иван лег с Нуждой, а хозяйка с детьми.

Назавтра хозяйка проснулась, печь затопила, сварила каши, щей. Нужда с Иваном встала, оделась, обулась. Иван и говорит:

— Ну, хозяйка, накорми нас, поедим мы и пойдем с Нуждой работать.

Хозяйка накормила-напоила мужа и гостя. Нужда с Иваном взяли топор да лопату и отправились на работу.

Иван подрядился выкопать попу яму для погреба.

Вот принялись яму копать. Сначала один копнет, потом другой.

Глубокая яма стала, в рост человека. Нужда влезла в яму, теперь была ее очередь копать. Согнулась — еле ее видно:

— Ровно уж,— говорит,— гладко вырыла, сейчас вылезу.

Нужда наклонилась еще ниже, стала выравнивать, а хозяин взял лопату и вмиг засыпал Нужду. Потом подравнял сверху, сучья-хворост набросал, топор, лопату взял и пошел домой.

— Ну,— говорит,— хозяйка, давай накорми чем-нибудь. Я закопал свою Нужду-то.

Хозяйка достала из печи щи да кашу и накормила.

Назавтра Иван проснулся, солнце высоко уже. Он лежит на печи и курит. А у них была курица. Она снесла яичко и громко клохчет-кудахчет. Хозяин слез, смотрит и удивляется: яичко не простое, а золотое.

Позвал хозяйку.

Хозяйка встала. Смотрят: яйцо-то золотое. Взял Иван яйцо и отнес в лавку, поставил перед купцом, у того глаза разбегаются.

— Много ли за него,— говорит,— просишь? Сто рублей хватит?

— Хватит,— говорит бедняк.

Сто рублей для него это очень большие деньги.

Хозяин взял сто рублей, купил еду и пошел домой. Праздник пришел для него и для семьи.

Назавтра курица опять золотое яйцо снесла. И послезавтра тоже. Продали они второе яйцо за двести рублей, третье за триста. И весь день Иван с хозяйкой обновы покупали, крупу — мешком, сахар — мешком, зерно — санями, ситец — тюками. Покупали, покупали, носили, носили, и на себе, и на лошади. И хлеба, и сахару, и крупы, и всего стало у них вдоволь. Сами едят и соседей угощают.

Богатый брат задумался. Что же это случилось с Иваном: все кулями и мешками носит, откуда у него деньги? Завидно богачу. Не пьет, не ест, даже похудел от зависти, а Иван говорит жене:

— Ну, хозяйка, жили мы с тобой бедно, из-за нужды никогда пира не устраивали, именины не справляли. Теперь у нас все есть. Давай, готовься, еды напеки, пива назари. Именины с тобой устроим, всю деревню в гости позовем.

Хозяйка неделю пиво варила, хлеба напекла — к именинам готовится. И начался пир на весь мир. Пригласили всех родственников и богатого брата Василия тоже позвали. Пришли все, расселись. Стыдно Василию богачу. Он и то такого пира не устраивал. Выпил рюмки две, а больше не пьет, захмелеть не хочет, охота ему допытаться, отчего брат разбогател.

А Иван от радости с одним — рюмку, с другим — стакан. Захмелел.

Василий стал расспрашивать.

— Эх,— говорит,— брат, как это ты разбогател?

Иван и рассказал все.

— Вот,— говорит,— брат, Нужда ко мне привязалась. Я ее увидел, когда к тебе на пир приходил. Помнишь, выгнал еще меня? Я взял да и похоронил Нужду-то на кладбище возле поповского погреба. Так и избавился от Нужды.

Василий и решил:

— Пойду-ка и откопаю оттуда Нужду.

Ладно. Василий тайком ушел. Схватил лопату, побежал на кладбище и принялся копать. Копал, копал, смотрит: кто-то копошится на дне ямы.

— Нужда,— говорит,— живая ли?

Нужда поднялась и говорит:

— Еле живая, чуть не задохнулась, давай помоги выйти.

Богатый брат подал руку Нужде, поднял Тошую и говорит:

— Вот ведь злодей-то, что с тобой устроил. Если бы не я, тут бы и пришлось тебе гнить. Иди скорей к нему, у него как раз пир сегодня.

— Спасибо,— отвечает Нужда.— Спасибо, добрый человек, за то, что откопал. Но к твоему брату уж нет, я ни за что не пойду. Что с ним сделаешь?

«Погоди, я перехитрю ее,— думает Василий.— Отведу на пир да там и оставлю».

Отправились они к Ивану на пир. А тут на столе разные кушанья, лапша и огурцы, творог с яйцом и каша со сметаной, котелок масла и горячие блины.

Зашел Василий в избу, а Нужда осталась у крыльца. Не смеет зайти.

— Пспадусь Ивану в руки — опять закопает.

Василий ждал, ждал Нужду и обратно вышел. Нужда тут как тут, вспрыгнула ему на плечи, привязалась крепко-накрепко.

С той поры обеднел, разорился Василий. То корову медведи задрали, то на другой день воры амбар очистили, а на третий день изба и клеть сгорели.

А Ивану Нужда на глаза не показывалась, до сих пор его боится и стороной обходит.

ЛЕКАРЬ-МУЖИК

Жили в одной деревне два брата. Младший брат семейный, с детьми, бился, как рыба об лед. А старший брат был бездетный и богатый. Младший однажды пошел к старшему.

— Дай,— говорит,— лошадь съездить за дровами.

Заворчал старший брат, но дал клячу и сани, а вот хомут и сбрую не дал.

— Хомут и сбрую,— говорит,— новые, ты их порвешь, поезжай как хочешь.

Младший брат вышел, взял лошадь, привязал сани к хвосту и поехал. Пустые сани кое-как дотащила лошадь до леса. Мужик нарубил дров, наложил полные сани, хо-

тел ехать домой; лошадь дернула, хвост оторвался, сани остались на месте. Что будешь делать, коли так вышло!

Добрался младший к старшему брату. Вот, мол, сани ты дал, лошадь дал, а хомут-сбрую не дал. Вот и оторвался хвост у твоей лошади.

Ух, как старший брат рассердился!

— Беспутный,— говорит,— куда хочешь девай бесхвостую лошадь. Год,— говорит,— придется работать за моего коня.

Целый год младший брат работал батраком. Богатый брат семью его подкармливал: когда даст хлеба, когда нет. Ну, наконец, срок вышел. Младший брат и говорит:

— Спасибо. Год работал, худого ничего не сделал.

Потом нанялся к мельнику в работники, опять на год. Мельник спрашивает:

— Сколько просить будешь за работу?

— Хорошо корми, одевай, обувай — вот и вся цена,— отвечает батрак.

Согласился мельник, обещал: как год кончится, приготовит пир. Ешь, сколько хочешь, а что останется — все пойдет батраку.

Целый год батрак работал, старался — сено возит, дрова колет. Вот и год кончился. Работник и говорит:

— Давай, хозяин, расчет.

Хозяин приказал приготовить пир. Попировал батрак, а мельник и говорит ему:

— Что осталось — все твое, возьми для семьи.

Батрак завернул в скатерть остатки, попрощался и пошел. Идет и напевает: «Самому мне нынче любо... для семьи несу обед, пироги и хлеб, и рыбу. Никому не дам ни крошки. Пусть жена моя и дети до отвала поедят».

Навстречу ему старик с палкой.

— Куда ходил, мужик?

— А вот,— отвечает,— за один обед год работал. Что осталось, несу семье.

— А не накормишь ли меня?

— Я никому не дам ни крошки.

— А ты разве не знаешь меня? Я ведь сам господь, как же ты мне не дашь?

— Ну, если б господь был, так бы не мучал меня. Год в поте лица я работал и один обед заработал. Даже тебе не дам.

И не дал. Дальше зашагал. Немного прошел, и смерть ему идет навстречу. Попросила ее накормить. Испугался мужик, растелил скатерть и накормил ее. Смерть и говорит:

— Благодарю, мужик. Что же я тебе хорошего сделаю? Как отплачу? Вот что, мужик, давай будем заодно жить. Я тебе помощницей буду, станем людей лечить. Я самых богатых заставлю болеть. А ты приходи и смотри: если я сижу у ног — берись лечить, а если у головы сижу — не берись, умрет.

Обрадовался мужик, согласился.

Вот вернулся домой. Пообедал, семью накормил, и от годового заработка ничего не осталось — все поели домашние.

А в избе у мужика заночевал богатый купец. Дочь его заболела. Сутки, вторые и третьи прошли, она все хворает. Мужик вспомнил о словах смерти.

— погоди, — говорит купцу, — схожу посмотрю на больную, может, и вылечу твою дочь.

Приехал мужик в дом к купцу. Видит — смерть у ног больной сидит. Мужик и говорит:

— Нет, хозяин, ее никто не сможет вылечить. Очень уж тяжело она болеет. Но я попробую, может, и подлечу.

Заплакал купец.

— Если сможешь, ничего не пожалею. Давай, попробуй, добрый человек, полечи, может, и поправится моя дочь!

Мужик велел истопить баню и приготовить десять ведер щелоку.

— Я, — говорит мужик, — лекарства дома сделаю и приду.

А сам по дороге собрал травы, заварил как чай и разлил по бутылкам.

Вернулся он к кущу с лекарствами. Больную дочь свели в баню. Мужик попарил ее, натер травами, напоил лекарствами. И случилось чудо: девушку под руку увели в баню, а обратно она на своих ногах вернулась, выздоровела. Ушла от нее смерть. Купец стал спрашивать, сколько нужно за лечение.

А мужик отвечает:

— Давай, чего не жалко, и хватит.

Купец дал муки три мешка, жита, разное варево. Дочь-то ему дороже, чем мешок муки, дочь-то он сильно любил.

Вернулся мужик домой, привез жита и вареного мяса. Вся семья довольна. Вскоре у другого купца сын заболел.

Купец пришел к мужику и зовет его посмотреть на больного. Согласился мужик. Глядит, а смерть опять у ног. Лекарь говорит: возьмусь, мол, может что и выйдет. Лекарства-то еще есть немного того, что я из целебной травы сделал.

Опять велел затопить баню. Вымыл, выпарил, дал больному лекарства. И поправился сын купца — смерть ушла от него.

Купец за лечение щедро заплатил мужику. Слава о нем везде пошла. Мужик стал богатеть. Деньги у него появились, дом построил. Хорошо зажил. Его все зовут.

Где смерть у изголовья, там он лечит отказывается.

— Этот, — говорит, — умрет, грейте теплую воду, чтобы обмыть.

Он уходит, а больной и, правда, умирает. А других вылечивает.

Старшему брату завидно стало: как это его брат-батрак разбогател.

Решил он **прикинуться** больным. Любопытно ему, что скажет брат, сможет ли отличить больного от здорового.

И богач сказался больным. Позвали лекаря-мужика.

Пришел мужик-лекарь и видит: сидит смерть у изголовья богача. Отвечает мужик:

— Не могу я его вылечить. Лучше, невестка, согрей теплую воду, чтоб обмыть брата.

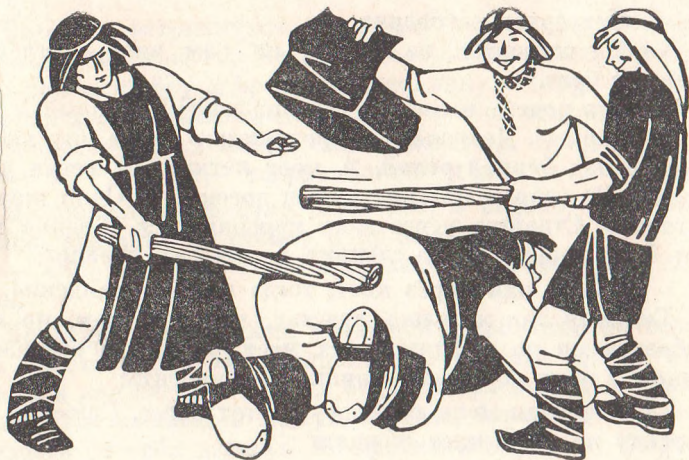
Только вышел лекарь, вскочил с постели богач и расхохотался:

— Немного же мой братец в лечении понимает! Обманывает добрых людей. Судить надо его за это!

Проговорил богач эти слова и грудью о косяк вдруг стукнулся, хлопнулся на пол и умер.

Жена заплакала, позвала лекаря-мужика. Да он ничем помочь не мог.

И до сих пор лекарь-мужик живет на свете и больных лечит.

ДВА БРАТА

В одной деревне стояли рядом избы, где жили два брата. Старший бездетный был, жадный, хитрый, он целовальником стал — владельцем кабака — и разбогател, а у младшего, простого и доброго человека, подрастало девять дочерей, но жил он бедно-пребедно.

Говорит бедняку его жена:

— Иди, милый, на заработки, а то есть нечего.

Послушался бедняк и пошел на заработки. А денег на дорогу взял с собой всего четвертак. Проходил он мимо кабака и подумал: зайду-ка я к целовальнику-брату, он меня угостит. Зашел бедняк и просит:

— Эй, братец-целовальник, угости вином.

— А много ли у тебя денег, братец!

— Четвертак,— говорит.

— На четвертак, не взыщи, не дам вина,— отвечал богатый брат.

Делать нечего, вышел бедняк из кабака трезвый и зашагал дальше. Добрался до предлинного моста, что висел высоко над бурной рекой. А мост ветхий, от ветра шатается. На старом настиле уже и досок нет. Одни жерди остались. Страшно через мост перебираться. Бедняк хотел было вернуться, да слышит, ворои ему каркает:

— Кар-р, иди через мост, тогда счастье найдешь!

Бедняку так хотелось счастья, что с трудом, но перебрался он по жердям через мост. Только перебрался, вышел к нему горбатый старик, стал просить:

— Переведи меня по мосту на тот берег. Сам-то я не перейду по скользким жердям.

Долго просил старик, бедняк все отказывался, но потом пожалел старого горбуна, перевел его через мост на другой берег. Там старик принялся расспрашивать бедняка:

— Куда, милоч, путь держишь?

— Иду на заработки. Дома ссть нечего.

— Ты постой, я дам тебе барана.

Старик зашел под мост, вывел барана, не простого, а с золотой шерстью.

— На,— говорит старик бедняку.— Веди барана домой, поставь на стол и прикажи: «Ой, барашек мой, встряхни ты шерстинки, что огни!» Барашек встряхнется, с каждой шерстинки посыплются золотые червонцы.

Взял бедняк золотого барашка и вернулся в деревню. У самой околицы увидел зеленую елку. Залез бедняк под раскидистые ветки и подумал: «Сейчас попробуем здесь!» И быстро проговорил:

— Ой, барашек мой, встряхни ты шерстинки, что огни!

Барашек встряхнулся, с каждой шерстинки посыпались золотые монеты. Бедняк очень обрадовался и подумал: дай-ка, зайду к брату-целовальнику. Теперь угостит он меня дорогим вином, есть у меня теперь чем заплатить.

Зашел мужик в кабак, стал хвастаться перед братом.
— Я,— говорит,— теперь богаче тебя!

Целовальник, конечно, не верит, а бедняк взял барашка, поставил на стойку и приказал:

— Ой, барашек мой, встряхни ты шерстинки, что огни!

Барашек встряхнулся, с каждой шерстинки по золотой монете упало. Целовальник обрадовался, собрал все золото и как следует напоил бедняка красным и зеленым вином. Тот опьянел и заснул. Правда, барашка-то он поблизости от себя держал. Но целовальник, пока бедняк спал, подменил золотого барашка на простого, только шерсть этого барашка выкрасил в желтый цвет.

Наутро проснулся бедный брат, взял барашка, домой побрел. Пришел к себе в избу и говорит:

— Ну, дочки, жена, садитесь за стол, посмотрите, какое я диво принес.

Поставил барашка на стол и крикнул:

— Ой, барашек мой, встряхни ты шерстинки, что огни!

Барашек не встряхнулся и никаких денег с шерстинок не посыпалось. Жена рассердилась на мужа, стала ругать его и начала опять посылать на заработки.

— Ты иди, а мы,— говорит,— барашка зарежем и съедем.

А бедняк не понимает, куда девался его баран. Думает, не мог же родной брат подменить барана! Нечего делать. Мужик опять отправился на заработки. Шел, шел, опять дошел до того же длинного-предлинного моста над бурной рекой. С трудом перебрался на другой берег, а там

опять старик просит перевести его через мост. Перевел его бедняк и на берегу начал жаловаться:

— У меня ничего не вышло с бараником.

Старик его утешает:

— Не горюй. Я дам тебе волшебную скатерть, которая тебя накормит и напоит.

Зашел он под мост, принес скатерть, дал ее бедняку.

— Как только расстелишь эту скатерть, скажи такие слова:

Скатерть, скатерть, расстелись,

И на стол еда явись,

Хлеб и вкусное питье

Пусть придут в мое жилище.

И появится на столе, что душе угодно, еда-питье и вино каждому отдельно, хоть сто человек сядет за стол.

Бедняк взял скатерть и вернулся назад в родную деревню.

У околицы сел под раскидистой елью.

— Дай-ка попробую, правда ли, что эта скатерть волшебная.

Расстелил бедный брат скатерть, сказал заветные слова:

Скатерть, скатерть, расстелись,

И на стол еда явись,

Хлеб и вкусное питье

Пусть придут в мое жилище.

И появились кушанья, питье и вино, все, что душе угодно. Удивился бедняк, потом взял скатерть и опять зашел к старшему брату-целовальнику.

— Я,— говорит,— опять разбогател. Не нуждаюсь в тебе. Теперь сам могу угощать!

Расстелил пошире скатерть прямо перед братом-целовальником, сказал заветные слова, и опять появились на скатерти всякое кушанье и питье. Принялся бедняк пить-есть и людей угощать. А потом опьянел и заснул. Целовальник снова подменил скатерть, простую подсунул мужику. Наутро проснулся бедняк. Пришел домой.

— Ну, дочки, садитесь за стол, жена,— говорит,— иди тоже.

Сели они вокруг стола, расстелил он скатерть, сказал заветные слова. Да ничего не вышло. Жена опять стала ругать бедняка, опять поколотила.

— Иди на заработки, да зря не шатайся, а делом займись.

Делать нечего. Опять побрел мужик. Шел, шел и снова добрался до ветхого длинного моста. Сам перешел и старика перевел. Тот спрашивает бедняка:

— Куда же ты опять идешь?

— Опять,— говорит мужик,— иду на заработки.

И рассказал все, что случилось с ним.

А старик только для вида спрашивал. Он сам волшебник был, конечно, знал, куда делись барашек и скатерть. Вот и говорит старый горбун:

— Я подарю тебе молодецкую сумку, чтобы она помогла, надо произнести заветные слова:

Ой сума, моя сума,
Ты воров сведи с ума.
Двух парней-богатырей
Выпускай да поскорей!

И случится чудо. Выскочат из сумки два молодца-богатыря,— что прикажешь, то и сделают.

Повесил бедняк сумку на плечо, вернулся в родную деревню. Подошел к раскидистой ели, открыл сумку, про-

изнес заветные слова и мигом выскочили оттуда два молодца с дубинками. Сильно поколотили бедняка.

— Зачем, — говорят, — промотал златорунного барашка и волшебную скатерть?

Испугался бедняк и быстро произнес волшебные слова:

Ой сума, моя сума,
Ты воров сведи с ума,
Только спрячь, да поскорей
Молодцов-богатырей.

И молодцы обратно залезли в сумку, а бедняк зашел к целовальнику.

— Я ведь, — говорит, — опять принес добычу.

Обрадовался целовальник. Думает: «Будет мне пожива!» Бедный брат открыл сумку и сказал заветные слова:

Ой сума, моя сума,
Ты воров сведи с ума,
Выпускай-ка поскорей
Молодцов-богатырей.
Пусть, что взял богатый брат,
Мне он все вернет назад.

И тотчас выскочили два молодца с дубинками и начали целовальника бить.

— Ну-ка, где баран с золотой шерстью, где скатерть, вернешь ты их или нет?

Богатый брат-целовальник быстро привел золоторунного барана и скатерть принес.

А бедный брат велел спрятаться молодцам, повесил сумку через плечо, взял скатерть и барана с золотой шерстью и отправился домой. Дома собрал жену, детей, родню и соседей.

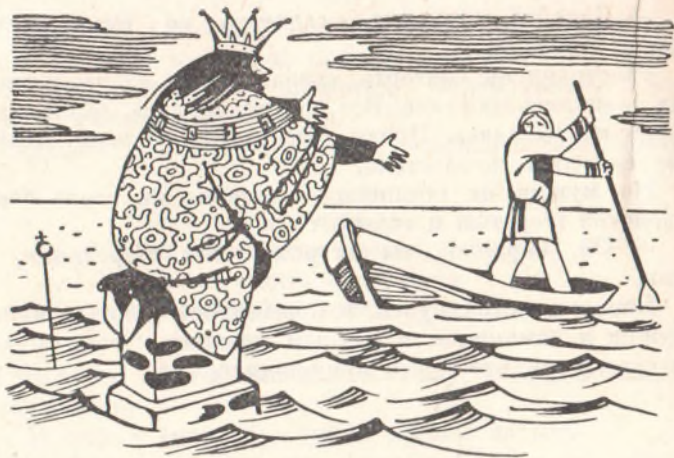
— Давайте,— говорит,— садитесь за стол, теперь можно пировать.

Расстелил он скатерть, сказал вещи слова, и питье-еда появились на столе. Все досыта наелись. Жена в пояс мужу поклонилась. Дочки отца поблагодарили. Начали они выходить из-за стола.

Но мужик их остановил, поставил на столе барана с золотой шерстью и говорит:

— Ой, барашек, ты встряхни все шерстинки, что огни.

Барашек встряхнулся, и посыпались золотые монеты. Мужик и домашним, и родным подарил золото, а потом рассказал все, что с ним приключилось.

СОЛДАТ, СКУПОЙ МУЖИК И ЗЛОЙ ЦАРЬ

Прослужил солдат царю двадцать пять лет и отправился домой. Шел он, шел и под вечер добрался до лесной деревни.

Мороз трещит, месяц за тучи хоронится, а в деревне все дома на запоре. Куда ни стучался солдат, нигде не отпирают, а мороз его пробирает и пробирает.

Глядь, в одной богатой избе раскрылась калитка, хозяйка по воду пошла. Солдат скорей шмыгнул в дверь, пробрался в избу. Там, на печке, хозяин спит. А солдат полез на полати.

Вернулась с полными ведрами хозяйка, увидела не-

званного гостя, разбудила мужа и велела солдата прогнать.

А мужу скучно-прескучно, вот он и говорит солдату:
— Если будешь рассказывать сказки, оставлю тебя почевать, а не будешь — выгоню на мороз.

Солдат обещал рассказывать. Принялась хозяйка на стол накрывать. Чего-чего только к ужину не собрала: и похлебку мясную поставила, и горячую кашу, и мед, и сдобные пироги.

Уселись хозяин с хозяйкой. Сами ужинают, а солдата не приглашают. Солдат, как волк, проголодался; не долго думая, он соскочил с полатей и... за стол.

— Чего лезешь, если не зовут? — спрашивает хозяйка.

А солдат в ответ:

— Нельзя без еды, хозяева. Мне надо, чтоб мои сказки силы набрались.

— Ну, пусть набираются! — разрешил богач и протянул солдату большую ложку.

Вот после ужина хозяйка постелила себе перину на полу, а ее муж и солдат легли на полатах.

— Начинай сказку, — говорит мужик.

Солдат и начал рассказывать:

— В одной деревне жили-были муж с женой...

Рассказывал солдат, рассказывал, и вдруг приключилось чудо. Превратились оба, и служивый и хозяин, в бурых медведей и убежали в дремучий бор. Вырыли себе берлогу под зеленой елкой и стали жить-поживать, на боку лежать и свою лапу сосать.

Пришла весна-красна, медведи из берлоги вылезли. Глядь-поглядь, на лугу корова пасется. Они ее разорвали и съели.

Наутро солдат-медведь говорит медведю-мужу:

— Сегодня мы пойдем на то пастбище, куда твоих коров выгоняют. Увидит нас твоя жена, закричит, созовет твоих батраков, они меня поймут, а ты убежишь.

Мою шкуру сдерут и повесят сушить, а сами пойдут за лошадьми. Ты не зевай, укради мою шкуру. Если украдешь и спрячешь, мы опять будем людьми, а не украдешь — придется нам всегда оставаться медведями.

Медведь-мужик послушался медведя-солдата и утром побежал на крутой бережок, на весеннее пастбище, где его коровы гуляли, а жена на камне сидела, пряжу пряла и стадо пасла.

Кинулись медведи на коров. Сразу троих задрали. Увидела это хозяйка, закричала, кликнула батраков, что рядом пахали. Прибежали батраки с вилами и палками. Мужик-медведь убежал, медведя-солдата батраки связали и шкуру с него содрали, на березу повесили. Сами побежали лошадь запрягать, чтоб медведя в деревню увезти.

Тут медведь-мужик к березе подбежал, да как дернет за шкуру. Дернул и кубарем вниз полетел.

Огляделся, что такое? Сидит он в своей избе на полу. Еле-еле свечка теплится, в трубе метель воет. Проснулась жена, спрашивает, что случилось.

— Как что? — отвечает хозяин. — Мы с гостем-солдатом трех наших коров съели.

Засмеялась жена, говорит:

— Ну, где там съели. Вы оба на полатях спали и во двор не выходили.

Не поверил мужик. Побежал с фонарем в хлев, а там все коровы целехоньки.

Наутро проснулся солдат, жалуется, что у него все болит, не может, дескать, с места сдвинуться. Вот он сутки лежит, и другие лежит, и третьи. Не выдержал жадный хозяин, стал просить служивого, чтоб он уходил.

— Я уйду, когда выздоровею, — отвечает солдат, — а до этого за каждый день стану тебе платить серебряный рубль.

Тогда это большие были деньги. Обрадовался хозяин. Не знает, как солдату угодить. Пролежал солдат у мужи-

ка год и три месяца. За каждый день заплатил солдат серебряными рублями. Набрал хозяин целое ведро серебра и запер его в шкаф.

Вот простился солдат, а хозяин пошел во двор навоз убирать.

Вернулся домой, отпер шкаф. Хотел жене богатство показать.

Жена в ведро заглянула, не своим голосом закричала. Лежат в ведре не серебряные рубли, а куски бересты.

Мужик бросился к уряднику, рассказал ему, как было дело, урядник и сотские догнали солдата, отдали его под суд. Не знали судьи, как им быть. Дело дошло до царя. А царь был злой-презлой. Он приказал отрубить солдату голову.

Говорит солдат царю:

— Я мужику давал деньги, не бересту. А тебе я двадцать пять лет честно прослужил... Отпусти ты хоть на пять минут с белым светом проститься.

Царь позволил. Но едва солдат вышел на крыльцо, как откуда ни возьмись полилась вода. Все больше ее, все больше. Вот уже первый ярус под водой, царь на второй побежал, а вода его догоняет. Полез царь на крышу, вода и крышу залила. Забрался царь на трубу, вода за ним до колен дошла.

Вдруг видит царь: плывет лодка. Там рыбак сидит. Закричал царь:

— Я здешний царь, спаси меня!

— А что проку с царя,— отвечает рыбак.— Пойдешь ко мне в батраки, возьму в лодку, не пойдешь — не возьму!

Нечего делать. Согласился царь. Рыбак посадил его в лодку и привез в свою избенку, что неподалеку стояла. И царь за шестьдесят рублей нанялся в батраки, на все лето.

Вот царь все лето рыбу ловил и сети чинил. Осень

пришла, он попросил расчет. А рыбак дал ему шестьдесят рублей и говорит:

— Пойди в город, купи белой муки и мяса, наделай пельменей и начни торговать.

Царь послушался рыбака, купил муки и мяса, наделал пельменей, стал торговать. Выгодно продал и опять пошел новыми пельменями торговать. И еще, и еще... Пересчитал деньги, глядь, у него не шестьдесят рублей, а двести сорок.

«Хорошо у меня торговля идет!» — подумал царь и решил замешать оставшуюся муку. Только принялся тесто ставить, глядь, а в муке отрубленная рука.

Испугался царь. Хотел находку спрятать, но хозяин дома это заметил и сказал квартальному.

Пришел квартальный, отдал царя под суд:

— Кто тебя знает, может, ты все время делал пельмени из человеческого мяса.

Судьи судили-рядили и присудили царю-пельменщику голову отрубить. Царь своим ушам не верит. Да какое! Уже палач с топором явился. Заплакал царь, стал просить, чтоб его пощадили.

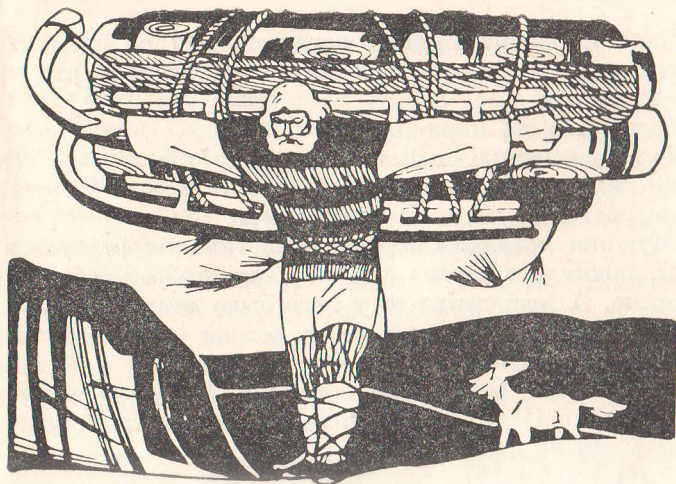
Тут солдат, что у окна стоял, повернулся к царю. Пять минут прошло. Повернулся и просит царя:

— Не руби мне голову!

— У меня у самого рубят, — отвечает царь.

Удивились придворные царским словам. А царь огляделся и понял, что сидит он по-прежнему во дворце, а палач пришел солдата казнить.

Простил царь солдата и щедро его наградил. А солдат в родную деревню отправился и, наконец, до дома добрался, хорошо там зажил и до сих пор живет-поживает, добро наживает.

ПЕРЯ-БОГАТЫРЬ

Возле Лупьинского лиственника, в Комму — Пермской стороне, жили-были в старину три брата: Антипа, Мизя и Перя.

Антипа ушел на службу — воином стал, Мизя принялся землю пахать, а младший, Перя, молодой, неженатый, сделался охотником.

Наденет, бывало, лыжи длиной в три сажени, возьмет острое копьё, лук да стрелы и уйдет на лов...

Догонит он лося или оленя, поразит копьём и принесет добычу домой.

Просторны были лесные угодья Пери, на сотни верст кругом он расставлял силки, но бежал так быстро, что все ловушки успевал осмотреть до обеда.

Бродит, бродит, бывало, день-деньской по дремучему лесу, а ночью наломает пихтовых веток, костер разведет и спит у огня.

Вот каков он, Перя-богатырь!

Раз в деревне Лупье стал мужик избу ставить. Устроил он помочь и позвал соседей бревна возить. Вместе со всеми поехал в лес и Перя-богатырь.

Мужики повалили деревья, очистили их от сучьев и коры, принялись бревна возить. Перя отобрал себе самые крупные. А лошаденка-то у него была никудышная. Тужится, тужится, никак с места воз не сдвинет. Начали соседи перешептываться:

— Вот так Перя! Сам богатырь, а лошадь — кляча.

Обиделся Перя. Выпряг лошадь, ухватился за оглобли и вытащил на дорогу воз.

Удивились соседи богатырской силе молодого Пери.

А хозяйка как услышала, что он на себе бревна приволок, испугалась: чем теперь кормить Перю? Пожалуй, такой богатырь сразу съест все припасы!

Угадал Перя хозяйкины думы и говорит:

— Принеси из леса побольше зеленого мха, свари его да посоли, вот мне и ужин готов!

Сели помочане¹ за стол. Всем хозяйка кашу подала, один Перя из большущего котла ест вареный мох. Ест да похваливает.

Засмеялся один из соседей, по имени Мелю-Мишка.

— У меня, — говорит, — в хлеву свинья, и та к хлебу приучена. Принесешь ей вареный мох — отворачивается.

А богатырь не любил, когда его вышучивали. Сам никого пальцем не трогал, а заденешь его — вспыхнет, как солома от огня.

Наутро вышел хозяин во двор, где вчера помочане бревна свалили, а там нет ни одного бревна. И догадался

¹ Помочане — люди, приглашенные на какую-либо работу.

он, что это Перя отомстил за обиду, полученную на пиру.

Знал хозяин, что у Мелю-Мишки был неподалеку поставлен сруб для новой избы. Пошел туда. Глянул, а сруб полон бревен. Стоят мужики, хозяин и Мелю-Мишка, затылки чешут, не знают, как тут быть. Подумали, подумали и отправились к Пере. А богатырь у себя дома за столом сидит, вареный мох ест да похваливает. Поклонились мужики ему в пояс, попросили прощения.

Расхохотался Перя так, что снег с крыши посыпался. Но не стал ломаться, пошел к срубам, вытащил бревна, приволок их во двор и положил на прежнее место. Вот каков был Перя-богатырь!

Однажды случилась беда. На русскую землю пошла войной орда степного хана. Не правдой — хитростью побеждала орда. У степного хана было большое-пребольшое железное колесо. В колесе сидел человек, вертелся, как белка, и гнал колесо. Оно катилось, давило людей, и никто не мог его остановить. А сверху ордынцы огнем горючим и стрелами осыпали всех, кто осмеливался преградить путь страшному колесу. Народ в ужасе бежал в леса.

Но вот дружинник Антипа пришел к русскому князю и сказал:

— Есть у меня брат Перя-богатырь, не позвать ли нам его на подмогу?

Обрадовался князь, закричал:

— Скачи на тройке за братом! Если он сломает железное колесо, я ему подарю половину своих владений.

Антипа с княжеским придворным поскакал на самой быстрой тройке к брату. Целую неделю ехал. Наконец, добрался и рассказал Пере, какая беда приключилась. Богатырь в ответ:

— Что ж, надо добрым людям помочь!.. Скачи, братец, на тройке обратно в Комму, я тебя пеший догоню, за три дня туда на лыжах добегу!

— А если я на войну уйду, как без меня князь тебя узнает?— спрашивает Антипа.

Перя говорит:

— Где я стану жить, люди по лыжам узнают, лыжи возле дома поставлю, они у меня длинные, в стреху¹ упрутся концами. А самого меня узнают по росту. Да еще по рукавицам: не страшен мне мороз, мои рукавицы всегда за пояс заткнуты.

Уехал Антипа, а Перя еще сутки дома прожил, потом побежал на лыжах в Комму.

В самую пору прибыл богатырь, уже к самому городу подкатывалось железное колесо. Вокруг искры сыплются. На оси колеса богатырского роста ордынец вертится. А колесо катится по полю, людей давит, огонь мечет... Падают убитые, разбегаются живые...

Перя-богатырь навстречу колесу, как стрела, полетел. Лицо звериной шкурой завязал, чтобы не обжечься. Ухватился он за спицы и прыгнул на ось, напротив ордынца. Первым делом Перя недруга наземь скинул, потом колесо остановил, опрокинул его и разорвал на части.

Увидели ордынцы, что богатырь разломал колесо, испугались и ускакали обратно в свою степную сторону...

А в Комму началось ликование. Русский князь устроил в честь Пери-богатыря пир на весь мир. Три дня гуляли гости, а на четвертый князь говорит:

— Приси, удалой молодец Перя, у меня, что хочешь: золото бери, куниц бери! Полцарства бери!

А Перя в ответ:

— А на что мне твои меха, я сам куниц ловлю, красным девушкам дарю. И золото мне ни к чему. В лесу без него живут. И полцарства мне не нужно. В лесу я сам царь, меня медведь и тот боится.

¹ Стреха — нижний, свисающий край крыши деревянного дома.

Задумался князь и говорит:

— Ишь ты какой! Я и не знал, что такие бывают. Откуда ты родом? Брата твоего я видел, а вот кто твоя мать, кто отец, кто сестры?

— Отец мой — лесной костер, моя мать — березовое изголовье, пихтовая постель, а вольная воля — моя сестра, и без них я жить не могу, — молвил Перя-богатырь.

Подивился князь таким словам и подарил богатырю шелковую сеть, чтобы куниц ловить. А еще подарил грамоту, зырянскими буквами написанную. И было там сказано, что Перя и его потомки могут навечно Лупьинским лиственником владеть.

Прощался Перя с князем — и домой. Там сразу пошел в лиственник новое владение смотреть и расставить шелковую сеть. Да не знал богатырь, что попал он, как нарочно, туда, где сам Вэrsa-леший охотился.

Леший тут как тут! Шапка, будто большущая еловая шишка, зеленую бороду ветер трешлет.

Нахмурил брови Вэrsa и спросил богатыря, как он посмел в его владениях охотиться.

— Это не твои, а мои угодья. Вот читай княжескую грамоту, — сказал Перя.

Не умел читать Вэrsa.

— Мне эта грамота не указ, — говорит. — Давай лучше состязаться, на палке тягаться. Кто победит, тот и станет владеть угодьями: то ли наша лесная нечисть, то ли ты, Перя, со своими земляками.

Нашел богатырь палку, привязал ее крепким ремнем к березе. Концы ремня обернул вокруг ствола и завязал.

С одного края уцепился за палку Перя, с другого — Вэrsa. Вэrsa рванул палку, да так, что береза затрещала.

— Что это трещит? — спрашивает леший.

— Твой хребет! — отвечает богатырь.

Испугался Вэrsa, не захотел больше состязаться.

— Ладно, владей лиственником. И давай жить дружно!

Перя поверил лешему. Но Вэрса решил его погубить.

Свалил богатырь высокую сосну, зажег нодью — негаснувший костер, и улеглись они у костра спать, леший и Перя. Вэрса и спрашивает Перю:

— А какой удар для тебя смертелен: удар меча или удар топора?

Зевнул Перя, отвечает, что не боится он ни меча, ни топора, боится только раскаленного копья с серебряным наконечником.

А копьё с серебряным наконечником как раз у лешего было. Он его под голову положил и захрапел.

Перя же потихоньку встал, вырвал из земли березу, притащил к костру, положил на свое место и плащом закрыл. А сам взял лук и стрелу, спрятался под елкой.

Среди ночи встал Вэрса, раскалил на костре свое копьё с серебряным наконечником, да как ударит в накрытый плащом березовый ствол. Копьё насквозь пробило березу.

— Ну и крепок был Перя! — сказал леший и еще раза два стукнул копьём по березе.

— Да еще как крепок! — отвечал Перя и пустил в лешего острую стрелу.

Бросился леший бежать, а богатырь — следом, осыпает его стрелами. До самого жилища преследовал лешего.

С той поры Перя, его земляки и потомки всегда охотились в Лупьинском лиственнике.

Вот каков был Перя-богатырь!

Женился он на сильной, высокой красавице. Жил сто двенадцать лет. Берег грамоту и шелковую сеть. А потомки Пери, Мизи и Антипы до сих пор живут на земле Коми. Все они славятся добрым сердцем и сильными руками.

СОДЕРЖАНИЕ

Лиса и Заяц	3
Фома	7
Лиса	12
Три брата и сестра	15
Марпица-царевна	18
Гундыр	23
Ема и две сестры	34
Медвежья пияньки	38
Тридцать женихов	45
Федот-Стрелец	52
Война из-за ржаного зернышка	64
Седун	77
Охотник и Чукля	92
Хлеб и огонь	96
Господин Иван Сарапанчиков	102
Портной и омэли	113
Как Иван Нужду законал	115
Лекарь-мужик	120
Два брата	125
Солдат, скуной мужик и злой царь	132
Перя-богатырь	137

31 коп.

КОМИ
РЕЛИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1975

